

9(с)12(с128)
К-614

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
КНЯЗЬ

Тверской и Миклушинской.

Составилъ председатель Общества

В. Колосовъ.

Издание Тверского Общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія.

ТВЕРЬ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1900.

К 614

№ 4
1948 г.

Александровичъ Князь

Тверской и Никольской.

Составилъ предсѣдатель Общества
В. Колосовъ.

Читано въ первомъ публичномъ засѣданіи Общества любителей исторіи, археологіи
и естествознанія 27 октября 1899 года.

1. 013. 200 кх

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

Общество любителей истории и археологии
Тверь 1900 г.

К. Г. П. И.
Проверено
1954 г. № 2

Тверское общество любителей истории, археологии и естествознания

№ 8888

Тверской и Новгородской губерний

Печатано по распоряжению Тверского Общества любителей истории, археологии и естествознания 18 июля 1900 года.

Тверь, 1900 г.

№ 8888

— 3 —

Тверское общество любителей истории, археологии и естествознания
Тверь, 1900 г.

Тверь, 1900 г.

№ 8888

Тверь, 1900 г.

Тверское общество любителей истории, археологии и естествознания

1900

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Г л а в а I. (1—17).

- ✓1) 27 августа 1399 года въ Твери.
- ✓2) Рожденіе Михаила Александровича, его воспитаніе и обученіе.
- 3) Начало управленія Микулинскимъ удѣломъ.
- 4) Городъ Микулинъ.
- 5) Увеличеніе владѣній Михаила Александровича.
- 6) Привязанность къ нему тверичей.
- 7) Наговоры великой княгини Тверской.
- 8) Вопросъ о Дорогобужскомъ удѣлѣ.
- 9) Отъѣздъ князя Михаила въ Литву.
- 10) Первое столкновеніе Михаила Александровича съ Москвой.

Г л а в а II. (17—26).

- 11) Захватъ Михаила Александровича въ Москвѣ.
- 12) Второе столкновеніе съ Москвой.
- 13) Погромъ Тверской области Московскими войсками.
- 14) Осада Москвы Ольгердомъ и Михаиломъ Александровичемъ.
- 15) Погромъ Московской области.
- 16) Новая жалоба Кашинскаго князя и нападеніе Московскаго князя на Тверскую область.
- 17) Взятіе Зубцова и Микулина.
- 18) Попытка Михаила Александровича пробраться въ орду.
- 19) Помощь со стороны Ольгерда.
- 20) Вторая Осада Москвы.
- 21) Отступленіе Ольгерда отъ Москвы и заключеніе мира.

Г л а в а III. (26—36).

- 22) Полученіе Михаиломъ Александровичемъ ярлыка на великое княженіе отъ Мамаю.
- 23) Татарскій посоль Сарыхожа.
- 24) Отъѣздъ его въ Москву.
- 25) Завоеваніе Мологи, Углича-Поля и др. и борьба съ Москвой.
- 26) Возстаніе Кашинскаго князя и побѣда надъ нимъ.
- 27) Погромъ Торжка.

Г л а в а IV. (36—51).

- 28) Прибытіе въ Тверь Вельяминова и начало борьбы съ Москвой.
- 29) Осада Твери.
- 30) Мирные договоры съ Москвой и Новгородомъ.
- 31) Куликовская битва и вопросъ объ участіи въ ней Тверскихъ дружинъ.
- 32) Попытка Михаила Александровича получить великокняжескій престолъ при помощи Тохтамыша.

Г л а в а V. (51—84).

- 33) Попытка Михаила Ярославича поставить своего кандидата на митрополию всея Руси.
- 34) Тверской епископъ Андрей и св. митрополитъ Петръ.
- 35) Запрещеніе митрополитомъ Петромъ похода на Нижній-Новгородъ.
- 36) Александръ Михайловичъ и митрополитъ Θεогность.
- 37) Коварный захватъ Михаила Александровича въ Москвѣ и попытка его отдѣлиться отъ Московской митрополіи.
- 38) Отношенія его къ митрополиту Кипріану.
- 39) Епископъ Тверской Евфимій Вислень и судъ надъ нимъ.
- 40) Разныя извѣстія объ этомъ судѣ и заключеніе.

Г л а в а VI. (74—84).

- 41) Послѣдніе годы княженія Михаила Александровича.
 - 42) Отношеніе его къ Литвѣ.
 - 43) Договоръ его съ Василиемъ Дмитріевичемъ.
 - 44) Смерть его.
 - 45) Заключеніе.
-

Михаиль Александровичъ, князь Тверской и Микулинскій.

Г л а в а I.

27 августа 1399 года въ Твери. Роженіе Михаила Александровича, его воспитаніе и обученіе. Начало управленія Микулинскимъ удѣломъ. Городъ Микулинъ. Увеличеніе владѣній Михаила Александровича. Привязанность къ нему тверичей. Наговоры великой княгини Тверской. Вопросъ о Дорогобужскомъ удѣлѣ. Отъѣздъ князя Михаила въ Литву. Первое столкновеніе Михаила Александровича съ Москвою.

27 августа 1399 года тяжело больной великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ, придя въ Тверской кафедральный соборъ и «бивъ челомъ святому Спасу, Пречистой Его Матери и помощнику своему, великому архистратигу Михаилу», поклонился гробамъ дѣда своего, великаго князя Михаила Ярославича, и отца своего — Александра Михайловича. Придя на правую сторону столпа церковнаго, гдѣ написаны были свв. праотцы Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, онъ велѣлъ подъ этимъ столпомъ устроить себѣ могилу. Сдѣлавъ это распоряженіе, великій князь пошелъ изъ собора, проливая горькія слезы. При выходѣ изъ собора, онъ остановился на ступеняхъ церковныхъ и, преклоняя голову предъ собравшимся у собора народомъ, прощался съ нимъ и просилъ у него прощенія. Оттуда онъ отправился въ монастырь святого Аѳанасія, гдѣ тогдашній архіепископъ Тверской, святитель Арсеній, немедленно постригъ его въ монашество, нарекиши ему имя Матѳея.

На другой день великій князь, призвавъ святителя Арсенія, сказалъ ему: «Уже недолго, отче, я буду съ вами, но вотъ вамъ на мое мѣсто сынъ мой Иванъ; пусть онъ блюдетъ васъ о Христѣ, какъ соблюдалъ и я». Святитель повелѣлъ звонить въ соборный колоколъ. Когда сошелся народъ, епископъ, взоидя на высокое мѣсто, возгласилъ къ народу: «Доселѣ насъ охранялъ великій князь Михаилъ, отнынѣ нашимъ охранителемъ будетъ великій князь Иванъ: его благословилъ отецъ на великій столъ города Твери». — «Многая лѣта великому князю!» воскликнулъ народъ.

Съ такимъ поразительнымъ спокойствіемъ устраивалъ свои душевныя и мірскія дѣла великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ предъ своею смертію. Трогательная сцена прощанія его съ народомъ у соборнаго храма была не первою. За нѣсколько дней предъ этимъ великому князю была доставлена въ даръ отъ Константинопольскаго патріарха икона страшнаго суда. Уже и тогда тяжело больной князь забылъ про свою болѣзнь и встрѣтилъ икону на дворѣ своего дворца. Въ тотъ же день онъ устроилъ «великую вечерю», пригласивъ на нее владыку, архимандритовъ, игуменовъ и весь священническій чинъ, а также нищихъ, слѣпыхъ и хромыхъ. Князь сказалъ своимъ гостямъ во время вечера: «Единъ путь, по немуже вси идемъ къ Создавшему насъ: уже простѣте мя вси, елико сотворихъ». Всѣ присутствующіе плакали, прощаясь съ нимъ и цѣлуя его ¹⁾.

Все это происходило въ Твери 500 лѣтъ тому назадъ. 27 августа великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ, самый талантливый и самый замѣчательный изъ всего ряда князей Тверскихъ, скончался.

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томъ XV, стр. 459 и 460. См. также повѣсть о преставленіи князя Михаила Тферскаго. IV, стр. 350 и 360.

Если печальная судьба многихъ представителей рода князей Тверскихъ невольно поражаетъ историковъ ¹⁾ и заставляетъ искать объясненія такого явленія, то личность великаго князя Тверского Михаила Александровича невольно привлекаетъ вниманіе своимъ глубоко трагическимъ положеніемъ. Одаренный отъ природы богатыми способностями, мужественный полководецъ, искусный дипломатъ, справедливый правитель, умѣвшій снискать горячую любовь со стороны народа, Михаилъ Александровичъ жилъ и дѣйствовалъ въ такую эпоху, когда судьба Тверского княжества была уже окончательно рѣшена, и когда никакія усилія не могли вернуть ему прежняго положенія. Неудивительно поэтому, что всѣ усилія Михаила Александровича вернуть своему княжеству его прежнее господствующее положеніе разсыпались въ прахъ. А сколько силъ и энергіи развернулъ онъ въ своей продолжительной борьбѣ съ Москвою! Но это была борьба очень талантливаго человѣка противъ естественнаго хода историческихъ событій — и, понятно, она должна была кончиться пораженіемъ человѣка, рѣшившагося на подобную борьбу? Въ концѣ своей жизни Михаилъ Александровичъ и самъ не могъ не понять всей бесплодности борьбы съ Москвою, на что онъ потратилъ такъ много времени, силъ и способностей. Только на долю немногихъ людей выпадаетъ подобная трагическая участь, и такая участь тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ талантливѣе человѣкъ, сталкивающійся съ нею. Вниманіе историковъ невольно останавливается на такихъ личностяхъ: всякій историкъ стремится на подобныхъ примѣрахъ уяснить для себя и для другихъ всю непреложность законовъ исторіи.

21 Великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ ро-

¹⁾ Три великіе князя Тверскихъ: Михаилъ Ярославичъ, Дмитрій Михайловичъ и Александръ Михайловичъ съ сыномъ погибли въ ордѣ, замученные татарами

дился въ 1333 году въ городъ Псковъ, куда отецъ его, Александръ Михайловичъ, долженъ былъ бѣжать послѣ избіенія татаръ въ Твери. Восприемникомъ его при святомъ крещеніи былъ Новгородскій архіепископъ Василій, извѣстный своимъ посланіемъ о раѣ ¹⁾. Михаилъ Александровичъ впервые попалъ въ гор. Тверь, когда отецъ его вернулъ себѣ великое княженіе Тверское, успѣвши оправдаться предъ татарскимъ ханомъ. Черезъ два года послѣ возвращенія въ Тверь, отецъ его палъ жертвою татарской мстительности и жестокости и хитрыхъ происковъ Московскихъ князей. Шестилѣтній Михаилъ Александровичъ послѣ смерти отца остался на попеченіи матери своей, великой княгини Анастасіи, происхождение которой доселѣ остается неизвѣстнымъ. На девятомъ году отъ рожденія мать отправила его, по свидѣтельству лѣтописей, на воспитаніе къ его крестному отцу, архіепископу Новгородскому Василю ²⁾. Архіепископъ Василій поручилъ обученіе своего крестника протодіакону. Даровитый мальчикъ полюбилъ книжное ученіе и привязался къ чтенію книгъ. По исполнѣ вѣрному замѣчанію И. Бѣляева, пребываніе въ Новгородѣ было полезно для молодого князя и въ другомъ отношеніи ³⁾. Здѣсь онъ могъ ознакомиться съ выгодными и невыгодными сторонами народовластія и выучиться искусству снискивать любовь народа и управлять имъ. Въ предисловіи къ лѣтописцу княженія Тверского, составлявшемуся въ правленіе Бориса Александровича (1425—1461), находится извѣстіе о томъ, что Михаилъ Александровичъ

¹⁾ Лѣто 6841-е (1333) ѣздилъ владыко Василій въ Псковъ и у князя Александра крестилъ сына Михаила. П. С. Р. Л. томъ IV, стр. 53; томъ III, стр. 77; томъ VII, стр. 207.

²⁾ Въ лѣто 6849-е (1341). Пріѣха Михаилъ княжичъ Александровичъ, съ Тфери въ Новгородъ къ владыцѣ, сынъ крестный, грамотѣ учиться. П. С. Р. Л. томъ III, стр. 81; томъ IV, стр. 55; томъ VII, стр. 207 и др.

³⁾ Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1861 г., кн. 3, стр. 2.

«вданъ бысть честною его матерію Настасією къ митрополиту Кіевскому Феогнасту на ученіе святымъ книгамъ ¹⁾». Трудно допустить, чтобъ это извѣстіе было результатомъ простого смѣшенія архіепископа Новгородскаго съ митрополитомъ Московскимъ. Такое смѣшеніе именъ не могло быть сдѣлано въ Твери, спустя 70—80 лѣтъ со дня смерти Михаила Александровича. Не былъ-ли Михаилъ Александровичъ послѣ обученія грамотѣ въ Новгородѣ отправленъ къ Московскому митрополиту Феогносту для дальнѣйшаго образованія? Допустить подобный фактъ вполне возможно. Мать Михаила Александровича, великая княгиня Анастасія на примѣрѣ своего мужа могла убѣдиться во всемъ могуществѣ власти Московскаго митрополита, и у нея вполне естественно могло явиться желаніе поставить своего сына въ особо близкія отношенія къ митрополиту съ цѣлью снискать его покровительство сыну своему въ будущемъ. А если это такъ, то этотъ фактъ является первой попыткой со стороны князей Тверскихъ заручиться расположеніемъ митрополита Московскаго. Будущее чреватое событіями, и расположеніе митрополита могло не разъ пригодиться молодому князю въ его будущей дѣятельности. Пребываніе въ Москвѣ для молодого князя было едва-ли не полезнѣе, чѣмъ пребываніе его въ Новгородѣ. Будучи уже болѣе возрастнымъ и умственно развитымъ, Михаилъ Александровичъ могъ тутъ на дѣлѣ ознакомиться съ правящими классами города Москвы, тогдашняго центра русской жизни, съ намѣреніями и замыслами ихъ относительно другихъ сѣластей русскихъ, могъ ознакомиться съ

¹⁾ «Благодарному же сынови его Михаилу дѣтски суцу оставшуся и вданъ бысть честною его матерію Настасією къ митрополиту Кіевскому Феогнасту на ученіе святымъ книгамъ; и добры извыче свята книги и писаніе». П. С. Р. Л. томъ XV, стр. 466 и 467. Этотъ лѣтописецъ былъ составляемъ въ Твери по порученію великаго князя Тверскаго Бориса Александровича, когда не прошло еще 100 лѣтъ со дня смерти Михаила Александровича.

отдѣльными вліяніями и факторами, создававшими то или другое событіе, и заручиться сочувствіемъ нѣсколькихъ крупныхъ московскихъ дѣятелей, которые, можетъ быть, не разъ пригодились ему въ будущемъ.

Изъ лѣтописей не видно, какъ и когда Михаилъ Александровичъ сдѣлался удѣльнымъ княземъ великаго княженія Тверского. |Всего вѣроятнѣе, что онъ получилъ свой первый удѣль, городъ Микулинъ, еще по завѣщанію своего отца, погибшаго въ ордѣ въ 1339 году. Но вполне понятно, что до своего совершеннолѣтія онъ не могъ управлять своимъ удѣломъ самостоятельно. Самостоятельное управленіе его въ Микулинскомъ удѣлѣ началось съ 1358 года, когда ему исполнилось 21 годъ отъ рожденія, или со слѣдующаго 1359 года.

Михаилъ Александровичъ начиналъ самостоятельное управленіе хорошо подготовленнымъ къ дѣлу правленія. Въ Новгородѣ и Москвѣ онъ получилъ выдающееся по тому времени образованіе. Религіозный характеръ воспитанія развилъ въ немъ истинно христіанское благочестіе: онъ всегда любилъ бывать въ церкви во время богослуженія, любилъ бесѣду съ мудрыми мужами и духовными лицами. Пребываніе въ Новгородѣ и Москвѣ, этихъ столь различныхъ въ то время центрахъ—самодержавія и народо-властія, ознакомило талантливаго князя съ тайной искусства управленія народомъ и сообщило даже первымъ шагамъ его характерныя черты опытнаго правителя.

Городъ Микулинъ, нынѣ село Микулино-Городище, находится въ 53 верстахъ отъ Твери, 40 верстахъ отъ Старицы и 50 отъ Волоколамска. Онъ является такимъ образомъ довольно удаленнымъ отъ сколько-нибудь крупныхъ городскихъ центровъ. Неизвѣстно съ точностью, былъ-ли здѣсь городъ, т. е. укрѣпленіе, до Михаила Александровича. Если города до этого времени здѣсь не было,

что всего вѣроятнѣе, то новый князь, несомнѣнно. на самыхъ же первыхъ порахъ озаботился основаніемъ такового, что было безусловно необходимо въ то тревожное время, когда всѣ почти удѣльныя княжества были раздираемы междоусобіями, и когда часто одна только сила рѣшала вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ удѣльныхъ князей. Основанный этимъ княземъ городъ, естественно, не сохранился до нашего времени, но и то, что сохранилось, говоритъ за то, что этотъ городъ былъ серьезнымъ укрѣпленіемъ для своего времени. «Внѣшнія укрѣпленія Городища» и въ настоящее время «состоятъ изъ земляного кругообразнаго вала въ три сажени вышины и 280 саж. длины», причемъ площадь, занимаемая укрѣпленіемъ, имѣетъ 70 сажень въ длину и ширину ¹⁾. Среди вала имѣются слѣды трехъ городскихъ воротъ, а именно сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ. Въ церкви села Микулина-Городища находится небольшой образъ—картина, изображающая три сцены изъ исторіи г. Микулина, а именно: примиреніе у воротъ города князя Тверского Василя Михайловича съ Михаиломъ Александровичемъ въ 1364 году послѣ неудачной осады города и двѣ осады города Московскимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ 1371 и 1375 годовъ, въ оба раза окончившихся взятіемъ города. Если эта картина не есть результатъ археологическаго творчества, а копія съ болѣе стараго, не сохранившагося до нашего времени изображенія, то мы имѣемъ здѣсь видъ города Микулина.

Вопросъ о томъ, одно или два укрѣпленія основалъ здѣсь Михаилъ Александровичъ, и въ настоящее время нельзя считать окончательно рѣшеннымъ. Раздѣляя между своими дѣтьми города своей вотчины, Михаилъ Александровичъ отказалъ своему младшему сыну Θεодору «два

¹⁾ В. Плетневъ. О курганахъ и городищахъ Тверской губерніи, стр. 63.

городка Микулина съ волостями»¹⁾. Головинъ въ своей брошюрѣ пишетъ: «Городъ Микулинъ... въ древности расположенъ былъ на обоихъ берегахъ Шоши; посему въ лѣтописяхъ назывался двумя городками»²⁾. Это удостовѣреніе Головина безъ надлежащей провѣрки его доселѣ повторяютъ и другіе, болѣе его компетентные историческіе писатели, напр., Борзаковскій³⁾. Никакихъ ясныхъ слѣдовъ другого укрѣпленія на правомъ берегу Шоши доселѣ никѣмъ не указывалось, не могли найти такихъ слѣдовъ и мы во время осмотра Микулина-Городища, несмотря на указанія таковыхъ мѣстнымъ причтомъ. Самый фактъ построенія двухъ укрѣпленій на противоположныхъ берегахъ рѣки трудно допустимъ, такъ какъ другіе даже болѣе сильные города, наприм., Москва, Тверь не имѣли подобныхъ укрѣпленій, да и нельзя указать какихъ-либо особыхъ побужденій для построенія здѣсь двухъ укрѣпленій, а не одного. Всего вѣроятнѣе, что другой городъ Микулинъ находится гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и его надо еще искать.

Одинъ изъ первыхъ тверскихъ археологовъ Д. И. Кармановъ по этому поводу пишетъ: «Одинъ Микулинъ находится тамъ, гдѣ теперь село Микулино-Городище, владѣніе господъ Нарышкиныхъ и Куракиныхъ. Въ немъ находится не малый городской валъ и соборная церковь древняго строенія, каменная, имѣющая нѣсколько княжескихъ гробовъ, но имена ихъ неизвѣстны. Другой Микулинъ, видится, былъ близъ деревни Большого-Микулина за Желтиковымъ монастыремъ, что неподалеку отъ гор. Твери»⁴⁾.

Первые годы своего княженія въ Микулинскомъ удѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л. т. 4, стр. 360 и др. лѣтописи.

²⁾ Соборъ въ селѣ Микулино-Городище М. 1851 г., стр. 1.

³⁾ Борзаковскій. Исторія Тверского княжества СПб. 1871 г. стр., 27.

⁴⁾ Кармановъ. Собраніе сочиненій. Тверь. 1893 г., стр. 26.

лѣ Михаилъ Александровичъ провелъ болѣе или менѣе спокойно, по-возможности не вмѣшиваясь въ междоусобную войну между своимъ старшимъ братомъ Всеволодомъ Александровичемъ, княземъ Холмскимъ, и великимъ княземъ Тверскимъ Василиемъ Михайловичемъ. Онъ укрѣплялъ основанный имъ городъ и съ осторожной осмотрительностью собиралъ силы, прежде чѣмъ принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ всего Тверского княжества.

Моровая язва, посѣтившая Тверскую область въ 1364 г., очистила ему арену дѣятельности и, увеличивъ его владѣнія, поставила его въ непріязненныя отношенія съ другими князьями Тверскими. Во время этого морового повѣтрія умерли мать и трое родныхъ братьевъ его; среди нихъ находился и старшій братъ его, Всеволодъ Александровичъ. По всей вѣроятности, Михаилъ Александровичъ унаследовалъ удѣлъ двухъ своихъ братьевъ: Владиміра и Андрея, умершихъ бездѣтными ¹⁾. Кроме этого, Семень Константиновичъ, одинъ изъ Дорогобужскихъ князей, связанный съ Михаиломъ Александровичемъ узами дружбы и пріязни, умирая, отказалъ ему свой удѣлъ помимо своего старшаго брата Еремѣя Константиновича ²⁾.

Еще при жизни своего старшаго брата Всеволода, владѣя только однимъ удѣломъ Микулинскимъ, Михаилъ Александровичъ казался уже опаснымъ тогдашнему великому князю Тверскому Василию Михайловичу по той привязанности, которую питали къ нему тверичи. Такую привязанность онъ уже успѣлъ снискать, несмотря на всю непродолжительность своего княженія въ Микулинскомъ удѣлѣ. Въ предисловіи къ Лѣтописцу княженія Тверского подъ 1363 годомъ ³⁾ находится слѣдующее извѣстіе: «Михаило-

¹⁾ Ibid, стр. 143.

²⁾ Никоновская Лѣтопись IV. 8—9.

³⁾ Экземплярскій читаетъ 1362, но это опечатка, вкраившаяся при печатаніи Тверской лѣтописи. См. списокъ опечатокъ при Тверской лѣтописи. Экземплярскій т. 11, стр. 468.

ви же възмужавшу, възмагающу, и познавашеся отъ всѣхъ челоуѣкъ, яко сы (симъ) хоцетъ Богъ свободити люди своя отъ великыя нужа иноплеменникъ; и величаху людие зѣло, и мнози дары прихождаху къ нему, вси сынове Тверстїи прилагахуся къ нему и храбри служаху ему» ¹⁾. Чѣмъ, какими особенностями своего характера сумѣлъ Михаилъ Александровичъ въ такое короткое время снискать себѣ особое расположеніе тверичей помимо своего старшаго брата и великаго князя Тверского Василя Михайловича? Вполнѣ ясная разгадка такого явленія находится въ томъ же предисловіи къ Лѣтописцу великаго княженія Тверского. Тутъ, между прочимъ, говорится: «И хваленъ бѣ зе (ло) по всей земли Тферстѣй, и благодравїа ради и крѣпости, яко мужь борець бѣ и нестрашивъ ко брани, но ратоборець славящеся, и сладокъ же бѣаше дружинѣ своей, яко не любляше злата, ни ризъ многоцѣнныхъ, но вся, елико имѣаше, и симъ подавъ дружинѣ своей. Сего ради друголюбецъ прозвашеся, зане яко обидно здержаше другы своа; и не имѣаше одинаго или дву любити паче инехъ всѣхъ, но къ всѣмъ разсудинѣ достойную честь подаваше и сладкую любовь простираше. Сего ради зѣлно мнози служаху ему, и сынове сильныхъ прилагахуся ему, и дворъ его день отъ дне множайше крѣплящеся» ²⁾. «Паче же всегда поучашеся», говорится здѣсь же въ другомъ мѣстѣ, «како судъ исправовати и како обыдимыа и маломощныа отъ насилствуемыхъ избавляти, и съ мудрыми и съ дръжавными земля всегда бесѣдаваше и благъ бѣ нравъ его въ очію челоуѣкомъ, яко унъ бѣ возрастомъ и разумнѣ старческии бесѣдоваше, якоже дивитися многымъ» ³⁾. Храбрость на полѣ брани, умѣнье ладить съ своей дружиною, при отсутствїи любимцевъ, справедливость въ судѣ,

¹⁾ Тверская лѣтопись, стр. 468.

²⁾ Ibid, стр. 469.

³⁾ Ibid, стр. 467.

особое покровительство обидимыхъ и маломощныхъ — вотъ тѣ черты характера Михаила Александровича, которыя вызвали въ тверичахъ такую привязанность къ молодому князю.

Первою замѣтила опасность такой любви тверичей къ даровитому удѣльному князю жена великаго князя Тверского, великая княгиня Елена. Она говорила своему мужу: «Видиши, господине мой, сый Михаилъ възмагаетъ, а старшаго ти брата сынъ, и есть мужъ доблій, сладокъ всѣмъ, и весь градъ Тверскый любитъ его, да убо хочетъ княжи (ти) на градъ семъ, сынове наши изгнани будутъ»¹⁾. Въ словахъ великой княгини, несомнѣнно, было много правды, если только не принимать во вниманіе благороднаго характера Михаила Александровича и всегдашняго отвращенія его къ междоусобнымъ войнамъ, которыя, если онъ и велъ, то въ большинствѣ только въ случаяхъ крайней необходимости.

Василій Михайловичъ, не принимая ничего во вниманіе, всецѣло повѣривъ словамъ своей супруги, «начать гнѣватися на Михаила и зло враждоваше на него»²⁾. Результатомъ этой вражды было внезапное нападеніе великаго князя на Микулинъ съ цѣлью ослабить своего чрезъчуръ любимаго народомъ племянника. Прочно укрѣпленный городъ Микулинъ, охраняемый мужественнымъ княземъ, выдержалъ нападеніе тверской рати. Дядя и племянникъ «смиришась и любовь сотвориша»³⁾.

Враждебное отношеніе великаго князя Тверского къ Михаилу Александровичу, естественно, еще болѣе усилилось, когда владѣнія его расширились присоединеніемъ трехъ новыхъ удѣловъ послѣ моровой язвы 1364 года.

¹⁾ Ibid, стр. 468 и 469.

²⁾ Ibid.

³⁾ Борзаковскій 143. Экземплярскій. Великіе удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ. СПб. 1891, т. 11, стр. 486.

Поддерживаемый великимъ княземъ, Еремѣй Константиновичъ началъ съ Михаиломъ Александровичемъ споръ изъ-за завѣщаннаго его братомъ Микулинскому князю удѣла. Для рѣшенія спора, по обычаю того времени, выбрали третейскимъ судьей Московскаго митрополита. Митрополитъ поручилъ, съ своей стороны, разборъ этого дѣла и рѣшеніе спорнаго вопроса Тверскому владыкѣ Василию, который призналъ Михаила Александровича правымъ, такъ какъ онъ получилъ спорный удѣлъ по завѣщанію владѣльца ¹⁾.

Но этимъ дѣло не кончилось. Проницательный Михаилъ Александровичъ, предвидя дальнѣйшія осложненія этого вопроса, «поставилъ городокъ новый на Волгѣ» ²⁾, въ видахъ болѣе удобной защиты своихъ владѣній отъ нападенія враговъ. Вліяніе Михаила Александровича въ городѣ Твери между тѣмъ все возрастало вмѣстѣ съ усиленіемъ привязанности тверичей къ излюбленному князю. Михаилъ Александровичъ безъ всякой борьбы съ великимъ княземъ Тверскимъ Василиемъ Михайловичемъ едва-ли не въ это время завладѣлъ городомъ Тверью, или лучше сказать, сами тверичи передали ему свой городъ помимо воли великаго князя. Только при допущеніи такого перехода города Твери къ Михаилу Александровичу становятся вполнѣ понятными дальнѣйшія событія въ Тверскомъ княжествѣ ³⁾. Такой переходъ стольнаго города отъ одного князя къ другому безъ всякой борьбы явленіе очень любопытное и многозначительное. Передавая свой городъ Михаилу Александровичу, жители города Твери ясно обнаруживаютъ свою склонность къ установленію новаго порядка престолонаслѣдія, — вопросъ о чемъ былъ

¹⁾ Никонов. IV, 12.

²⁾ Ibid, стр. 15. Подъ новымъ городкомъ нужно въ данномъ случаѣ разумѣть гор. Старицу. Борзаковскій, стр. 31 и 32.

³⁾ (Борз. прим. 666).

выдвинуть въ Москвѣ только едва-ли не шѣлое столѣтіе спустя. Василій Михайловичъ, прежде чѣмъ стать великимъ княземъ Тверскимъ, очень долго былъ Кашинскимъ удѣльнымъ княземъ. Онъ сталъ вслѣдствіе этого для жителей города Твери какъ-бы чужимъ княземъ, и Тверь не хотѣла подчиняться кашинцамъ. Михаилъ же Александровичъ былъ сынъ Александра Михайловича, князя Тверского, погибшаго въ ордѣ, по винѣ жителей города Твери, едва-ли не самовольно, безъ согласія великаго князя, избившихъ татарское посольство въ Твери. Сынъ замученнаго въ ордѣ за вину жителей города Твери князя, естественно, казался тверичамъ своимъ, прирожденнымъ княземъ. Личныя достоинства Михаила Александровича еще болѣе увеличивали тяготѣніе жителей города Твери къ молодому и талантливому князю, и Тверь по собственному своему почину признала его своимъ княземъ. Время и подробности этого событія не указываются въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ, но, повторяемъ, только при такомъ предположеніи и становятся понятными всѣ дальнѣйшія событія ¹⁾.

Выждавъ до окончательнаго утвержденія на Московскомъ престолѣ Дмитрія Ивановича, сына своего прежняго союзника, Василій Михайловичъ вмѣстѣ съ Еремѣемъ Константиновичемъ обращаются въ Москву съ жалобой на своего владыку Василя, будто-бы несправедливо присудившаго удѣлъ Семена Константиновича Михаилу Александровичу. Эта жалоба князей на епископа Тверского и Михаила Александровича какъ нельзя больше соответствовала тайнымъ замысламъ Московскаго князя относительно остальныхъ удѣльныхъ княжествъ и въ частности княжества Тверского. И началъ Дмитрій Іоанновичъ, говоритъ

¹⁾ Вѣроятность подобнаго предположенія допускаетъ Борзаковскій, стр. 145 в Экземплярскій, стр. 487, примѣч. 1453.

Никоновская летопись, другихъ князей приводитъ подъ свою волю, «а которые не повиновахуся волѣ его и на тѣхъ нача посегати, такоже и на князя Михаила Александровича Тверского» ¹⁾.

Очевидно, заранѣе ознакомленный съ намѣреніями Московскаго князя и не видя возможности сопротивляться соединеннымъ силамъ Московскаго князя и двухъ князей Тверскихъ, Михаилъ Александровичъ, приготовивъ города своего княженія къ защитѣ, рѣшилъ искать помощи въ Литвѣ.

Литовское княжество, уже подчинившее себѣ много земель сѣверозападной и югозападной Руси, являлось въ это время самымъ крупнымъ противникомъ Московскаго княжества. Столкновение Литовскаго и Московскаго центровъ Руси назрѣвало уже давно. Такой искусный политикъ, какимъ былъ Михаилъ Александровичъ, не могъ не понять, что предприимчивый Ольгердъ, тогдашній князь Литовскій, съ удовольствіемъ воспользуется удобнымъ случаемъ напасть на Московскаго князя въ союзѣ съ нимъ. Къ тому же Ольгердъ былъ родственникомъ Михаила Александровича, — онъ былъ женатъ на родной сестрѣ Михаила, Іуліанѣ Александровнѣ; Михаилъ Александровичъ могъ рассчитывать при этомъ на вліяніе на Ольгерда своей сестры.

Въ то время, какъ Михаилъ Александровичъ старался для предусматриваемой имъ борьбы заручиться союзомъ съ Литвой, враги его тоже не дремали. Василій Михайловичъ съ своимъ сыномъ и Еремѣй Константиновичъ чрезъ митрополичьихъ приставовъ вызвали Тверского владыку въ Москву на судъ митрополита Алексѣя, по обвиненію въ неправильномъ рѣшеніи спора о Дорогобужскомъ удѣлѣ. Какъ и въ чемъ обвиняли владыку князя въ Москвѣ,

¹⁾ Никоновск. IV, 15. Борзаковскій, стр. 144.

съ точностью неизвѣстно, но, очевидно, судъ былъ ведень не въ пользу архіепископа **Василія**. «На Москвѣ про тотъ судъ владыцѣ **Василью** сотворися проторъ великъ (большіе убытки), а во Твери житейскимъ людемъ нужно бысть про удѣлъ княже—**Семеновъ**», говоритъ **Никоновская** лѣтопись по поводу этого суда ¹⁾.

Однимъ привлеченіемъ къ суду третейскаго судьи, рѣшившаго дѣло не въ ихъ пользу, враги **Михаила Александровича** не ограничились. Непосредственно въ слѣдъ за этимъ соединенныя военныя силы враждебныхъ **Михаилу Александровичу** князей двинулись на городъ Тверь и другіе города, принадлежавшіе ему. Въ этомъ походѣ, подъ начальствомъ **Дмитрія Іоанновича**, участвовали дружины: московская, кашинская и волоцкая. Враги подступили къ городу Твери, но «Божіимъ заступленіемъ города не взяли и ушли назадъ». Жители города Твери, горячо привязанные къ **Михаилу Александровичу**, и въ отсутствіе его мужественно защищали городъ, не желая подчиниться кашинцамъ. Всѣ другіе города, принадлежавшіе **Михаилу Александровичу**, защитили себя съ такимъ же мужествомъ и успѣхомъ. Но несмотря на успѣшное отраженіе городами враговъ своего князя, остальная область князя **Михаила** сильно пострадала отъ нашествія непріятелей. Кашинцы и ихъ союзники, по выраженію **Никоновской** лѣтописи, дѣлали тверичамъ досады безчестіемъ и муками и грабежемъ имѣнія и продажею безъ помилованія; они повоевали Тверскія волости и села по правую сторону Волги и многихъ отвели въ полонъ ²⁾. Особенно сильно при этомъ досталось волостямъ владыки Тверского **Василія**, присудившаго **Михаилу Александровичу** спорную волость. Волости владыки враги **Михаила Александровича**

¹⁾ Никоновская лѣтопись.

²⁾ Борзаковскій, стр. 145.

«плѣнили, пожгли и пусто все сотворили». Все это происходило въ 1366 году.

Торжество враговъ Михаила было почти полное: хотя они и не взяли городовъ Михайловыхъ, но за то страшно опустошили его область. Покончивъ дѣло опустошенія, враги Михаила Александровича разошлись по своимъ княжествамъ. Но они торжествовали недолго. Осенью того же года Михаилъ Александровичъ вернулся въ Тверь съ вспомогательнымъ литовскимъ войскомъ. Картина переменялась очень быстро. Прошло нѣсколько дней; великая княгиня Елена, тетка Михайлова, и жена князя Еремѣя оказались въ плѣну у разгнѣваннаго Михаила вмѣстѣ со многими боярами обоихъ князей, враговъ Михаила Александровича. Нанесши своимъ врагамъ такой чувствительный ударъ, Михаилъ Александровичъ бросился на Кашинъ. Кашину предстояло испытать на себѣ месть со стороны справедливо негодовавшаго князя, но Василій Михайловичъ, видя свою полную несостоятельность вести борьбу съ племянникомъ безъ помощи князя Московскаго, рѣшилъ просить мира. Послы Василя Михайловича выѣхали на встрѣчу къ Михаилу Александровичу за 9 верстъ отъ Кашина съ просьбою о мирѣ. И «утиши Господь Богъ и Пречистая Богородица ярость» Михаила Александровича, «и милость возложи на сердце его»; онъ отказался отъ мести и помирился съ своимъ дядей, Еремѣемъ Константиновичемъ и Московскимъ княземъ. Зимой этого же года заключилъ съ нимъ миръ и сынъ Василя Михайловича Михаилъ Васильевичъ. Спорный удѣлъ остался въ рукахъ Михаила Александровича.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на замѣчательный образъ дѣйствій Михаила Александровича во все время этой борьбы. Враги Михайловы, стремясь нанести ущербъ этому князю, безъ всякаго сожалѣнія грабили и

терзали жителей области, принадлежавшей ихъ врагу, такъ что при этой борьбѣ больше всего страдало ни въ чемъ, кромѣ привязанности къ своему князю, неповинное народонаселеніе его области. Образъ дѣйствій Михаила Александровича не таковъ. Онъ захватываетъ въ плѣнъ женъ своихъ враговъ и наноситъ такимъ образомъ ударъ своимъ врагамъ непосредственно, а не обрушивается на ни въ чемъ неповинный народъ, и при первой просьбѣ о мирѣ соглашается на него, пересиливъ свой справедливыи гнѣвъ и удержавшись отъ вполне законной, повидимому, мести. Въ такомъ образѣ дѣйствій нельзя не видѣть вполне разумнаго отношенія къ мелочнымъ раздорамъ князей, отъ которыхъ страдали не князья, а народъ, и полного истиннаго благородства стремленія по-возможности ничѣмъ не обидѣть и безъ того обиженныхъ и маломощныхъ.

Г л а в а II.

Захватъ Михаила Александровича въ Москвѣ. Второе столкновение съ Москвой. Погромъ Тверской области Московскими войсками. Осада Москвы Ольгердомъ и Михаиломъ Александровичемъ. Погромъ Московской области. Новая жалоба Кашинскаго князя и нападеніе Московскаго князя на Тверскую область. Взятіе Зубцова и Микулина. Попытка Михаила Александровича пробраться въ орду. Помощь со стороны Ольгерда. Вторая осада Москвы. Отступление Ольгерда отъ Москвы и заключеніе мира.

Враги Михаила Александровича скоро оправились отъ нанесеннаго имъ столь неожиданно и быстро пораженія и снова открыли враждебныя дѣйствія. Князь Еремѣй Константиновичъ въ слѣдующемъ же 1367 году, сложивъ съ себя крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу, поѣхалъ въ Москву съ новыми жалобами на Михаила. Въ 1368 году Московскій князь Дмитрій Іоанновичъ и митрополитъ Алексѣй пригласили Михаила Александровича прибыть въ Москву на новый третейскій судъ. Михаилъ Александровичъ, не подозрѣвая никакого коварства, съ пол-

нымъ довѣріемъ отозвался на это приглашеніе, очевидно, желая однажды навсегда отнять у противниковъ своихъ поводъ снова и снова возбуждать одинъ и тотъ же спорный вопросъ. Но въ Москвѣ совершенно неожиданно Михаилъ Александровичъ вмѣстѣ съ своими боярами былъ схваченъ и брошенъ въ заточеніе на Гавцинъ дворъ. На его счастье, въ Москву въ это время прибыли послы отъ татарскаго хана. Услышавъ про совершенный захватъ Михаила Александровича, татарскіе послы «усумнѣшась». Испуганные этимъ, враги Михаила Александровича поспѣшили выпустить его вмѣстѣ съ боярами на свободу, принудивъ его отказаться отъ Городка, части удѣла Семена Константиновича, куда Московскій князь вмѣстѣ съ Еремѣемъ Константиновичемъ и поспѣшили послать вслѣдъ за этимъ своихъ намѣстниковъ.

Можно себѣ представить все негодованіе, охватившее душу Михаила Александровича при такомъ коварномъ и недобросовѣстномъ поступкѣ съ нимъ людей, къ которымъ онъ пріѣхалъ безъ всякихъ враждебныхъ замысловъ и заднихъ мыслей, по ихъ собственному зову! «Князь же Михайло Александровичъ, говоритъ Никоновская лѣтопись, о томъ велми зжались, и не любезно бысть ему сіе, и негодовавшие о семъ. И положи то въ измѣну и въ ненависть подвижесь и размирие про то нача имѣти къ великому князю Дмитрію Ивановичу, гнѣвашежесь и жаловавшееся наиначе на митрополита, глаголя: «колику любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ митрополиту сему и онъ толико мя посрами и поруга»¹⁾. Михаилъ Александровичъ гораздо болѣе гнѣвался на митрополита, чѣмъ на великаго князя, и вполне понятно почему. Митрополитъ, какъ глава русской церкви, долженъ былъ быть, по его мнѣнію, первымъ блюстителемъ правды. Но, по вполне вѣрному замѣ-

¹⁾ Никоновск. IV. 19. Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ I, стр. 981.

чанію Бѣляева, едва-ли можно обвинять въ этомъ дѣлѣ самого митрополита, который въ это время былъ уже очень преклоннаго возраста и, по всей вѣроятности, не принималъ уже такого дѣятельнаго, какъ прежде, участія въ государственныхъ дѣлахъ. Коварный захватъ Михаила Александровича могъ быть произведенъ и безъ согласія митрополита ¹⁾.

Доселѣ Михаилъ Александровичъ не начиналъ самъ военныхъ дѣйствій противъ своихъ враговъ, а только защищался отъ ихъ нападений, оберегая свои права:—онъ не желалъ самъ начинать всегда гибельныхъ для народа междоусобій. Теперь онъ, глубоко оскорбленный и обиженный своими врагами, рѣшается мстить за свое поруганное право, желая показать, что такіе коварные поступки не должны и не могутъ оставаться безнаказанными, и переходить къ болѣе активной политикѣ. Онъ сумѣлъ найти и силы и средства для того, чтобы не разъ поставить своего, несомнѣнно, въ это время уже болѣе сильнаго противника въ очень затруднительное положеніе, пополняя неравенство силъ своимъ умомъ, энергіей и умѣньемъ найтись во всякомъ положеніи. Но и при этой борьбѣ онъ, къ чести своей, всегда держался извѣстныхъ предѣловъ, дальше которыхъ онъ не заходилъ, чего часто не умѣли

¹⁾ Я приписываю, говоритъ Бѣляевъ по этому поводу, этотъ коварный поступокъ только совѣтникамъ Московскаго князя, а не самому князю и не митрополиту Алексѣю; ибо самому князю въ это время было только 16 лѣтъ отъ роду, и дѣлами преимущественно завѣдывали бояре. Притомъ, если бы князь Московскій самъ распоряжался, или участвовалъ въ коварномъ оскорбленіи Михаила, то Михаилъ никогда бы не вошелъ въ тѣсную дружбу съ Димитріемъ; но по исторіи извѣстно, что впоследствии Тверскій и Московскій князья жили въ искренней дружбѣ. Митрополита Алексѣя также нельзя подозрѣвать въ участіи въ этомъ дѣлѣ, ибо это никакъ не согласовалось съ его характеромъ; при томъ же ему въ это время было 70 лѣтъ отъ роду, и онъ уже мало занимался государственными дѣлами. Конечно, Михаилъ могъ сердиться на него за приглашеніе въ Москву; но приглашеніе со стороны Алексѣя могло быть съ доброю цѣлью. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей російскихъ. 1861 г., стр. 6.

и не хотѣли дѣлать его противники. Хотя положеніе Михаила Александровича на великокняжескомъ престолѣ города Твери ко времени этой борьбы и упрочилось со смертью Василя Михайловича въ 1368 году, но и при этомъ силы Московскаго князя по-прежнему во много разъ превосходили силы Михаила Александровича. Борьба по-прежнему была не равна, и только искусная политика князя Тверскаго, его всегдашнее умѣнье найти союзниковъ нѣсколько уравнивали силы противниковъ и дѣлали его опаснымъ врагомъ Московскаго князя.

Вынудивъ Тверскаго князя на уступку Городка и захвативъ его, Московскій князь этимъ не ограничился, а собравъ большое войско, послалъ его въ походъ на Тверскаго князя. Не видя возможности и на этотъ разъ съ одними своими силами отбиться отъ нападенія враговъ, Михаилъ Александровичъ снова рѣшилъ обратиться за помощью къ Литовскому князю Ольгерду. Сгорая отъ гнѣва и скорби о разореніи земли своей, онъ особенно горячо упрашивалъ Ольгерда оказать ему на этотъ разъ возможно большую помощь. Желая вѣрнѣе добиться цѣли, онъ и сестру свою, жену Ольгерда, научилъ просить своего мужа о томъ же. Тронутый просьбами жены своей и шурина, такъ несправедливо угѣсняемаго врагами, Ольгердъ рѣшился самъ стать во главѣ войска, которое должно было помочь Михаилу Александровичу управиться съ своими врагами. Такимъ образомъ въ то время, какъ москвичи, по обычаю того времени, громили Тверскую область, въ Литвѣ собирались грозныя силы для отмщенія за этотъ погромъ. Во главѣ этихъ силъ готовился итти самъ Ольгердъ, очень искусный по тому времени полководецъ, умѣвшій поражать своихъ противниковъ быстротою и неожиданностью своихъ движеній. Едва только московскія войска вернулись домой, покончивъ свою работу въ Тверской области,

какъ у границъ Московскаго княжества появился Ольгердъ во главѣ войскъ княжества Литовскаго и Смоленскаго. Ихъ дожидался тутъ Михаилъ Александровичъ, успѣвшій уже собрать тверскую рать и подойти съ нею къ московскому рубежу. Нападение на Москву было произведено такъ быстро, что застало москвичей почти въ расплохъ, «Разосла» Московскій князь «Дмитрей», говоритъ Тверская лѣтопись, «грамоты по градомъ, и повелѣ въскорѣ силамъ многимъ быти къ собѣ; и ничтоже успѣша събрати силы, зане же вскорѣ»¹⁾. Дмитрій Юанновичъ выслалъ противъ Ольгерда «заставу» и «сторожевой полкъ»; но эти наскоро собранныя, хотя и довольно многочисленныя войска не могли задержать войскъ Ольгерда. Союзники продолжали свое побѣдоносное шествіе и приблизились къ Москвѣ. Московскія войска въ нѣсколькихъ схваткахъ были разбиты на голову, причемъ были убиты князья Оболенскій и Стародубскій. Въ концѣ концовъ былъ избитъ на рѣкѣ Тростнѣ и весь сторожевой полкъ, высланный противъ Ольгерда подъ начальствомъ нѣкоего «Дмитрія Никитина». Союзники вслѣдъ за этимъ безпрепятственно подошли къ стѣнамъ московскаго кремля. Посады вокругъ города были сожжены самими москвичами для большаго удобства защиты кремля. Три дня и три ночи простояли союзники около Москвы, опустошая окрестности, но въ тѣ времена было очень мало средствъ для взятія укрѣпленій, и городъ Москва устоялъ противъ враговъ. Простоявъ три дня подъ Москвою, Ольгердъ снялъ осаду и ушелъ отъ Москвы; съ нимъ ушли и всѣ прочія войска. Москва на этотъ рѣзь уцѣлѣла, но область Московская, естественно, была страшно опустошена, причемъ, вѣроятно, немало постарались и тверяки, мстя за недавнее свое «озлобленіе». И воздано было Москвѣ «лихо за лихо», говоритъ при этомъ Тверская лѣ-

¹⁾ Тверская лѣтопись, стр. 429.

топись¹⁾). Этотъ погромъ Московской области былъ тѣмъ тяжелѣе и обиднѣе для Дмитрія Іоанновича, что такого погрома не было въ Москвѣ уже въ теченіе сорока одного года²⁾. Естественно, что Дмитрій Іоанновичъ не могъ помириться съ такимъ исходомъ своей борьбы съ Тверскимъ княземъ. Вполнѣ ясно понималъ это и Михайль Александровичъ. Оба противника тотчасъ же по окончаніи этого неудачнаго для Москвы столкновенія стали приготовляться къ новому бою. Въ Твери «срубили градъ древянъ и глиною помазали». Князь Дмитрій «заложилъ городъ Переяславль», который «того же лѣта и срубленъ бысть»³⁾. Въ то же время Дмитрій Іоанновичъ началъ постепенно расплачиваться со своими врагами. Онъ послалъ войско на Смоленскую волость и городъ Брянскъ, очевидно, желая отмстить Смоленскимъ князьямъ за ихъ участіе въ походѣ Ольгерда. Видя приближеніе разрыва между Тверскимъ и Московскимъ княземъ, Кашинскій князь Михайль Васильевичъ, по примѣру своего отца, поѣхалъ въ Москву съ жалобами на Михаила Александровича. На что жаловался въ этотъ разъ Кашинскій князь на Михаила, изъ лѣтописей не видно. В. С. Борзаковскій высказываетъ предположеніе, что и на этотъ разъ онъ приносилъ жалобу по дѣлу объ удѣлѣ князя Семена⁴⁾. Можетъ быть такъ, а можетъ быть, сама Москва путемъ этой жалобы стремилась создать благопріятный поводъ для разрыва съ

¹⁾ Ibid, «Ольгердъ... монастыри и церкви и волости попали, а христіаны изсѣче, а ины въ полонъ поведе, иже не успѣли разбѣжаться, имѣніе же ихъ пограби, и много зла сътворивъ възвратися въ землю свою», говоритъ Воскресенская лѣтопись по поводу опустошенія Московской области союзниками Михаила, П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 16.

²⁾ Ibid.

³⁾ П. С. Р. Л. VIII, стр. 16.

⁴⁾ Борзаковскій, стр. 148.

Тверскимъ княземъ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ пріѣзда въ Москву Михайла Васильевича было объявленіе Дмитріемъ Іоанновичемъ войны Михаилу Александровичу ¹⁾. Михайлъ Александровичъ и на этотъ разъ уѣхалъ въ Литву просить помощи у Ольгерда, а Дмитрій Іоанновичъ послалъ свои войска на Тверскую область для опустошенія селъ и волостей около Твери. Привыкшія къ грабѣжамъ войска и на этотъ разъ вполнѣ успѣшно справились съ своей задачей. Но это было только начало враждебныхъ дѣйствій. Вслѣдъ за этимъ пришелъ въ Тверское княжество самъ великій князь Дмитрій Іоанновичъ съ большимъ войскомъ, взялъ съ бою города Зубцовъ и Микулинъ и опустошилъ всю Тверскую область. Московскія войска «всѣ волости и села Тверскія повоевали и пожгли и пусто сотворили, а людей многое множество въ полонъ повели, и все богатство ихъ взяли, и весь скотъ ихъ взяли въ свою землю» ²⁾. «И отмсти Дмитрій Ивановичъ обиду Ольгердову на нихъ и смири тверичъ до зѣла», говорится по этому поводу у Татищева ³⁾.

Михайлъ Александровичъ, во время этого двукратнаго погрома Тверской области, былъ въ Литвѣ. Тамъ онъ и услышалъ о бѣдствіяхъ, обрушившихся на его отчину, «и сжалися зѣло» ⁴⁾. На этотъ разъ всѣ просьбы его о помощи не подѣйствовали на Ольгерда. Отвлекала ли его отъ русскихъ событій борьба на западѣ съ нѣмецкими орденами, или онъ находилъ для себя выгоднымъ, чтобы Тверской и Московскій князь истощали свои силы во взаимной борьбѣ между собою, сказать трудно, только на

¹⁾ Того же 1370 года князь великій Дмитрей Ивановичъ посла въ Тверь и сложи цѣлованіе князю Михаилу Александровичу. П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 17.

²⁾ Борзаконскій, стр. 149.

³⁾ Ibid. Татищевъ IV, стр. 217.

⁴⁾ П. С. Р. Л., томъ VIII, стр. 17.

этотъ разъ онъ не подалъ Михаилу Александровичу такой быстрой помощи, какъ въ 1368 году.

Не получивъ помощи отъ Ольгерда на западъ, Михаилъ Александровичъ бросается на востокъ. Онъ рѣшилъ ѣхать въ татарскую орду жаловаться на Димитрія Ивановича и просить у татаръ помощи противъ Московскаго князя. Дмитрій Иоанновичъ, узнавъ о намѣреніи Михаила Александровича, «негодова о семъ» и разослалъ по всѣмъ дорогамъ въ орду заставы, чтобы перехватить Тверского князя. Предупрежденный объ этомъ своими московскими пріятелями, Михаилъ Александровичъ успѣшно избѣгнулъ опасности и, не имѣя возможности пробраться въ орду, вернулся въ Литву. Онъ снова сталъ упрашивать Литовскаго князя Ольгерда оказать ему помощь ¹⁾. На этотъ разъ просьбы Михаила увѣнчались успѣхомъ. Ольгердъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Кейстутомъ и княземъ Смоленскимъ Святославомъ, выступилъ на помощь Михаилу Александровичу. Войска Ольгерда подошли къ Волоколамску, сожгли посадъ и разграбили окрестности этого города. Тверская лѣтопись рассказываетъ при этомъ объ одномъ любопытномъ эпизодѣ осады. Воеводой Волоколамска въ то время былъ Березуйскій князь Василій Ивановичъ. Когда воевода этотъ вышелъ во время осады на мостъ у города, одинъ литвинъ «утаився иде подъ мостъ той, и сквозь мостъ пронзе князя сулицею, и отъ тоа

¹⁾ В. С. Борзаковскій говоритъ, что Михаилъ Александровичъ въ этотъ разъ былъ въ ордѣ и получилъ ярлыкъ на великое княженіе, стр. 149. Сергій Михайловичъ Соловьевъ говоритъ, что онъ въ этотъ разъ только пытался проѣхать въ орду. Соловьевъ, т. I, стр. 963. Мы слѣдуемъ въ данномъ случаѣ Соловьеву, такъ какъ въ Тверской лѣтописи ничего не сообщается о первой поѣздкѣ въ орду. Извѣстія Воскресенской лѣтописи и другихъ объ этой поѣздкѣ недостаточно определенны и заключаютъ въ себѣ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе. Онъ ничего не говорятъ о томъ, куда дѣлся Сарыхожа, взятый Михаиломъ Александровичемъ въ Рузь.

язвы разболѣвся, и постригся въ чернцы, преставися¹⁾. Болѣзнь и смерть воеводы не помѣшали Волоколамску отбить всѣ нападенія осаждавшихъ. Враги не могли взять города, хотя и простояли подъ нимъ три дня. Отъ Волоколамска Ольгердъ двинулся къ Москвѣ. Дмитрій Іоанновичъ заперся въ городѣ. Митрополита Алексѣя въ это время не было въ Москвѣ, такъ какъ онъ уѣхалъ предъ тѣмъ въ Нижній-Новгородъ. Двоюродный же братъ Дмитрія, Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, засѣлъ въ это время въ Перемышль, собирая войска. Ольгердъ подступилъ къ Москвѣ и въ теченіе восьми дней безуспѣшно осаждалъ городъ. Окрестности Москвы и на этотъ разъ, понятно, были сильно опустошены. Въ то время, какъ войско союзниковъ стояло подъ Москвой, къ Владиміру Андреевичу пришли вспомогательныя войска Рязанскаго князя Олега и Владиміра, князя Пронскаго. Услышавъ объ этомъ, Ольгердъ испугался, такъ какъ эта соединенная рать союзниковъ Дмитрія Іоанновича могла ударить въ тылъ его войскъ и отрѣзать ихъ отъ Литвы. Онъ сталъ просить у Дмитрія Іоанновича вѣчнаго мира и предложилъ свою дочь въ замужество за князя Владиміра Андреевича. Великій князь изъявилъ согласіе только на перемиріе до Петрова дня. Заклучивъ перемиріе, Ольгердъ ушелъ въ Литву. Покинутый Ольгердомъ, долженъ былъ заклучить миръ и Михаилъ Александровичъ, и на этотъ разъ ничего не потерявши изъ своихъ владѣній. Помощь Ольгерда оказалась недостаточной. Повидимому, нельзя было рассчитывать на Ольгерда и въ будущемъ, такъ какъ онъ, желая породниться съ Московскимъ княземъ, выказывалъ явную склонность жить съ нимъ на будущее время въ мирѣ.

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII—17.

Г л а в а III.

Полученіе Михаиломъ Александровичемъ ярлыка на великое княженіе отъ Мамаю, Татарскій посолъ Сарыхожа. Отъѣздъ его въ Москву. Завоеваніе Мологи, Углича-Поля и др. и борьба съ Москвой. Возстаніе Кашинскаго князя и побѣда надъ нимъ. Погромъ Торжка.

Весной 1371 года Михаилъ Александровичъ рѣшилъ отправиться въ орду и на этотъ разъ вполнѣ безпрепятственно проѣхалъ туда. Тогдашній предводитель всѣхъ татарскихъ силъ Мамай ласково принялъ его, далъ ему ярлыкъ на великое княженіе въ русской землѣ и послалъ съ нимъ на Русь своего посла Сарыхожу. Предлагалъ ему Мамай взять съ собою татарское войско для утвержденія на великокняжескомъ престолѣ, но благородный князь Тверской не захотѣлъ стать виновникомъ новаго татарскаго погрома въ русской землѣ. Онъ отказался отъ татарской помощи, несмотря на всю вражду свою съ Дмитриемъ Иоанновичемъ, несмотря на не успѣвшія еще зажить раны Тверской области. А сколько разъ Московскіе князья громили Тверскую область вмѣстѣ съ татарами въ видахъ ослабленія силъ Тверскихъ князей! Едва-ли Тверской князь могъ дать Мамаю особенно много денегъ, за которыя въ то время дѣлалось въ ордѣ почти все. Почему же Мамай такъ охотно далъ Тверскому князю ярлыкъ на великое княженіе? Можетъ быть, вполнѣ вѣрно предположеніе В. С. Борзаковскаго, что Мамай хотѣлъ такимъ образомъ припугнуть Московскаго князя и заставить его быть по отношенію къ ордѣ предупредительнѣе. А можетъ быть, что Мамай былъ плѣненъ личностью доблестнаго князя Тверскаго, умѣвшаго на дѣлѣ и на словахъ отстоять свое дѣло; можетъ быть, онъ вошелъ въ положеніе такъ несправедливо обижаемаго князя. Нѣкоторая поддержка силь-

нѣйшаго противника Московскаго князя не могла ни въ какомъ случаѣ повредить татарскимъ интересамъ. Михаилъ Александровичъ вмѣстѣ съ Сарыхожею въ апрѣлѣ вернулся въ Тверь. Отсюда онъ направился во Владимірѣ, намѣреваясь сѣсть на великокняжескій престолъ. Но великій князь Дмитрій Іоанновичъ «по всѣмъ градомъ боярѣ и люди привелъ къ цѣлованію не даться имъ князю Михаилу, а въ землю его не пустити на княженіе на великое; а самъ съ братомъ своимъ Володиміромъ ратию сталъ въ Переяславли»¹⁾. Результатомъ этого мѣропріятія князя Дмитрія было то, что Михаила Александровича не приняли во Владимірѣ, несмотря на ярлыкъ татарскій. «Не имемъ сему вѣры», сказали при этомъ владимірцы: «тебѣ хочется просто взяти великое княженіе»²⁾. Когда Сарыхожа послалъ звать Дмитрія во Владимірѣ къ ярлыку, Московскій князь отвѣчалъ: «Къ ярлыку не ѣду, на великое княженіе не пущу, а тебѣ послу цареву потчестъ»³⁾. При этомъ онъ звалъ посла въ Москву, и Сарыхожа, отдавъ ярлыкъ Михаилу Александровичу, изъ города Мологи уѣхалъ къ великому князю. Сарыхожа былъ принятъ въ Москвѣ самымъ предупредительнымъ образомъ. Обласканный и задаренный Московскимъ княземъ, онъ поѣхалъ въ орду «много поймавъ»,⁴⁾ и, пріѣхавъ въ орду, расхваливалъ Московскаго князя, его добрый нравъ и смиреніе⁵⁾. Такой двусмысленный образъ дѣйствій Сарыхожи не привелъ Михаила Александровича въ уныніе. Онъ еще съ большей энергіей сталъ добиваться великаго княженія. Незадолго предъ этимъ онъ, посредствомъ искусныхъ переговоровъ, добился отъ Новгорода согласія на то, что

¹⁾ Тверск. лѣтоп., стр. 430.

²⁾ Воскресенск., стр. 18.

³⁾ Тверская лѣтопись, стр. 430.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Соловьевъ, т. I, стр. 963.

Новгородъ признаетъ его великимъ княземъ, «если ему вынесутъ изъ орды княженіе великое»¹⁾. Ярлыкъ на великое княженіе изъ орды онъ получилъ, но почти всѣ города остались вѣрны Московскому князю, и новгородцы взяли свое слово назадъ. Пославъ своего сына Ивана Михайловича въ орду, чтобы онъ и впредь отстаивалъ тамъ интересы своего отца, Михаилъ Александровичъ рѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ своего княжества для внезапныхъ нападений на сосѣднія земли. Въ 1371 г. онъ идетъ на Кострому, но, не успѣвъ ее взять, бросается на Мологу, Угличе-Поле и Бѣжецкій Верхъ и завладѣваетъ ими.

Дмитрій Іоанновичъ, въ виду такого образа дѣйствій Михаила Александровича, былъ вынужденъ лично отправиться въ орду, куда Московскіе князья уже задолго предъ этимъ ѣздили очень рѣдко и неохотно. Онъ задарилъ хана, ханшу и всѣхъ князей ордынскихъ и снова былъ пожалованъ великимъ княженіемъ Владимірскимъ. Михаилу Александровичу прислали сказать изъ орды: «Дали есми тебѣ княженіе великое, и рать есми тебѣ давали, и ты не захотѣлъ, и реклъся еси сѣсти своею силою; и ты сяди съ кымъ ти любо»²⁾. Такимъ образомъ татарская орда, благодаря богатству Москвы, перешла на сторону Московскаго князя. Перешли на сторону Московскаго князя и новгородцы, задѣтые завоеваніемъ Бѣжецкаго Верха. Повидимому, все вооружалось противъ Тверскаго князя. Дмитрій Ивановичъ, вернувшись изъ орды, немедленно послалъ свои войска на Бѣжецкій Верхъ. Бѣжецкій Верхъ былъ отнятъ у тверичей. Тверской намѣстникъ, Никифоръ Лычъ, былъ убитъ; при этомъ была разграблена даже часть Тверской области. Но, къ счастью

¹⁾ Борзаковскій примѣч. 680.

²⁾ Тверск. лѣтоп., стр. 430.

Михаила, силы Московскаго князя вскорѣ были отвлечены въ иную сторону. Началась довольно трудная для Москвы борьба съ Рязанью. Можетъ быть, и это возстаніе Рязани стояло въ нѣкоторой связи съ дѣйствіями противъ Москвы Михаила Александровича. Этимъ отвлеченіемъ Московскихъ силъ въ сторону Рязани Михаилъ Александровичъ не имѣлъ возможности воспользоваться такъ, какъ хотѣлъ бы и могъ, такъ какъ, всего вѣроятнѣе, не безъ вліянія Москвы началось возстаніе въ его собственной области. Кашинскій князь Михаилъ Васильевичъ, уже давно не принимавшій участія въ борьбѣ Михаила съ Москвою, совершенно неожиданно сложилъ крестное цѣлованіе Тверскому князю и вступилъ въ союзъ съ Дмитріемъ. Михаилъ Александровичъ быстро двинулся противъ него и захватилъ въ Кистмѣ Кашинскихъ воеводъ. Затѣмъ онъ бросился на Дмитровъ и взялъ его. Тверичи при этомъ «посады и села пожгли, и люди въ полонъ повели»¹⁾. Союзники его литовцы, подъ начальствомъ Кейстута и Полоцкаго князя Андрея, неожиданно подошли къ Переяславлю, сожгли посадъ, волости и села, «люди многа побиша, а иныя въ полонъ поведоша», хотя переяславцы и побили при этомъ немало литовцевъ. Отсюда литовскія войска, соединившись съ Михаиломъ Александровичемъ, направились къ Кашину. Союзники взяли округъ съ города, повоевали много волостей и сель и захватили много плѣнныхъ. Князь Кашинскій долженъ былъ заключить миръ на всей волѣ Михаила Александровича и утвердилъ этотъ миръ крестнымъ цѣлованіемъ. Отъ Кашина Михаилъ Александровичъ вмѣстѣ съ союзниками двинулся къ Торжку, занялъ его и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Литовская рать послѣ этого отправилась домой,

¹⁾ Тверск. лѣтоп., стр. 431.

учинивъ въ окрестностяхъ города Твери на прощанье «немало пакости».

Нельзя не удивляться громадной энергіи Тверского князя, обнаруженной имъ во время этого столкновения съ Москвой. Съ какою ловкостью онъ умѣетъ воспользоваться первымъ неблагопріятнымъ случаемъ для Москвы! Если, несмотря на всю свою энергію и искусство, онъ не достигаетъ своей цѣли, то только потому, что еще задолго до его княженія Москва сумѣла привлечь на свою сторону симпатіи большинства русскаго народа.

Между тѣмъ въ занятой Тверскимъ княземъ городъ Торжокъ пришли новгородцы «и укрѣпишася съ новоторжцы, и крестъ цѣловаша, и свѣщаца золь совѣтъ». Они выгнали изъ города намѣстника Тверского, тверичей многихъ перебили, а остальныхъ ограбили. Отмщеніе за все это не замедлило. 31 мая 1372 года подошелъ къ Торжку Михаилъ Александровичъ съ войскомъ «и нача со смиреніемъ слати къ новгородцамъ и новоторжьцемъ: «кто моихъ билъ, да и грабилъ, тѣхъ ми выдайте, а намѣстника моего посадите; а болѣ того ничто же учиню вашей землѣ пакости». И ждахъ покоренія до полудне, а врагъ діаволъ възмате ихъ злобою. Новгородцы похваляшася силою и послаша къ великому князю съ высокою мыслию» и приготовились къ бою. Но «на первомъ же суймѣ побѣди великій князь Михайло помощію архистратига Михаила». Предводитель новгородской рати Александръ Абакумовъ былъ убитъ. ¹⁾ Новгородцы обратились въ бѣгство: одни изъ нихъ побѣжали къ Новгороду, другіе въ Торжокъ. Во время бѣгства многихъ изъ нихъ «исколоша», а иныхъ захватили въ плѣнъ. Остальные нов-

¹⁾ Новгородская лѣтопись рассказываетъ объ этомъ событіи такъ: «Первѣе всего Александръ Обакумовичъ, стрѣтивъ на Подоль, и ту костью паде за святой Спасъ и за обиду Новгородскую» (стр. 90).

городцы засѣли въ Торжкѣ. Тверичи подождгли городской посадѣ. Въ это время дулъ сильный вѣтеръ на городъ. Огонь перебросило вѣтромъ съ посада на городъ. Начался страшный пожаръ, во время котораго погорѣли всѣ церкви, и погибло много народа; при этомъ многіе новоторы, спасаясь отъ огня, утонули въ рѣкѣ ¹⁾. Тверскія войска безъ всякаго сожалѣнія воспользовались этимъ бѣдствіемъ новоторовъ. Многія «добрыя жены и дѣвица, видящи надъ собою лупленіе отъ тверичь, (а иніи одираху до послѣдней наготы, его же и поганіи не творятъ), тако тѣ и отъ срамоты и бѣды истопишася въ водѣ, черньци и черници все до наготы излуплено» ²⁾. Тверичи повели изъ Торжка въ Тверь плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ «безъ числа множество; а и товара много поимаша, что ся осталось отъ огня, и иконной круты серебра много поимаша». «И наметаша» жители города Торжка «избіенныхъ людіи, и огнемъ жженныхъ и истоплыхъ, 5 скудельницъ, а иніи погорѣли безъ останка, а иніи истопли, безъ вѣсти поплыли внизъ по Тферцѣ» ³⁾. Нельзя считать жестокость тверичей, въ данномъ случаѣ, особенно выдающеюся. Сами новоторы сдѣлали то же самое надъ беззащитными тверичами. Такая расправа надъ побѣжденными противниками была обычнымъ явленіемъ въ то варварское время. «Сія вся наводитъ Богъ грѣхъ ради нашихъ.... Разумѣйте, братіи, силу Божию... Аще бо ти побѣжденіи, то есть мужество, еже уповати на Бога, а челоуѣческая помощь ничто-же есть, еже сіи сотвориша себѣ новгородци за високоуміе», говоритъ Тверской лѣтописецъ, заканчивая свой рассказъ о пораженіи новгородцевъ и погромѣ Торжка. Любопытнымъ дополненіемъ къ изложеннымъ свѣдѣніямъ объ этомъ жестокомъ

¹⁾ Тверск. лѣтоп. стр. 432.

²⁾ П. С. Р. Л. томъ III, стр. 89 и 90.

³⁾ Ibid.

погромъ Торжка является слѣдующій рассказъ изъ житія Ефрема Новоторжскаго. «Вознегодовалъ великій князь Михаилъ Тверскій на градъ Торжекъ и собравъ великое войско, вооружився яростию, яко Исусъ Навинъ на Ерихонъ, и абіе прииде Михаилъ на градъ Торжекъ. И бысть бой великъ зѣло. Бѣ бо въ то время владѣющу Торжкомъ князю Аѳанасію, и поби великій князь Михаилъ Тверскій весь градъ Торжокъ и церкви Божія разори и инокинъ же и дѣвицъ оскверни, и имѣніе отъ ту живущихъ поймавъ, а градъ огни преда. И обитель сію до основанія разори, настоятеля же и братію погуби, утварь церковную и монастырское строеніе все во Тферь отпроводи. Тогда же и сущее писаніе о житіи и о прехожденіи преподобнаго взяша съ собою, и ни единыя потребности оставиша. Не точію сію едину обитель разорити повелѣ, но иныя святыя церкви и монастыри и села и веси града того. И наки обители сей въ послѣдней нищетѣ бывшей, по мале же времени, посылаетъ великій князь Михаилъ изъ Тфери писаніе въ Торжекъ во обитель преподобнаго, хотя продати неистощимое сокровище, не гиблющее сребро; а въ писаніи своемъ пишеть: «дайте ми великій выкупъ и азъ вамъ отдамъ писаніе о житіи преподобнаго Ефрема». Братіи же въ то время во обители преподобнаго, в велицѣй нищетѣ живущимъ, и не бѣ книжному писанію умѣющимъ, вси единомысленно рѣша къ пославшему града Тфери и глаголюще: «не обрѣтохомъ мы у себя во обители, умѣюще божественнаго писанія, ни стяжанія, чимъ преподобнаго житія искупити». Малу же времени минувши, праведнымъ Божіимъ судомъ, и градъ Тферь погорѣ. И въ то время соборная церковь Преображенія Сласова такожде огню предашеся. И истинное писаніе о преподобнемъ Ефремѣ въ то же время погибе. Воистинну реченное слово пророкомъ Давидомъ избысться: Богъ отмщений, Господь Богъ отмщений и не

обинулся еси; воздаждь воздаяніемъ гордымъ. Не имать бо приобщеніе сѣно со огнемъ, тако же и отъ чюжаго имѣнія богатство собирати нѣсть пользы» ¹⁾). Приводимъ этотъ отрывокъ изъ житія Ефрема Новоторжскаго, какъ любопытное отраженіе распри между Новгородомъ и Тверью. Хотя писатель этого житія и говоритъ, что онъ слышалъ сообщаемое имъ «отъ древнихъ мужей», но въ этомъ разсказѣ нельзя не замѣтить путаницы именъ и событій. Упоминаемый здѣсь князь Аѳанасій (1303 — 1322) участвовалъ въ борьбѣ съ Тверью при Тверскомъ князѣ Михаилѣ Ярославичѣ, но тогда городъ Торжокъ не былъ взятъ и сожженъ ²⁾). На основаніи послѣдняго признака и слѣдуетъ отнести этотъ разсказъ къ княженію Михаила Александровича. Возможно, что самый разсказъ заключаетъ въ себѣ отголоски преданія, дошедшаго до автора житія.

Безпощадный погромъ Торжка навелъ страхъ на самый Новгородъ, и новгородцы спѣшно принялись за укрѣпленіе своего города. Доселѣ Тверской князь торжествовалъ на всѣхъ пунктахъ. Торжество Михаила должно было стать, повидимому, еще болѣе полнымъ, такъ какъ къ нему на помощь явился Ольгердъ. Михаилъ Александровичъ присоединился къ Ольгерду у Любутска. Отсюда союзники намѣревались отправиться къ Москвѣ. Заранѣе подготовившійся къ отпору врагамъ, Дмитрій Ивановичъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ многочисленнымъ войскомъ. Дѣла противникомъ Московскаго князя на этотъ разъ съ самаго начала пошли неудачно. Дмитрій Ивановичъ напалъ на сторожевой полкъ Ольгердовъ и разбилъ его подъ Любутскомъ. Ольгердъ и Михаилъ Александровичъ укрѣпились за оврагомъ. «И вмѣнися (о) врагъ тый во спасеніе», говоритъ при этомъ Тверская лѣтопись. И то и другое

¹⁾ Рукопись Тверской Семинаріи № 73 л. 5 об.—л. 7 об.

²⁾ Экземплярскій томъ II, стр. 463 и 464; 636 и 637.

войско не рѣшилось напасть на противника изъ-за оврага ¹⁾, и Ольгердъ заключилъ миръ съ Дмитріемъ Ивановичемъ, «а князь Михаилъ поиде въ томъ же миру» ²⁾. Изъ дошедшей до нашего времени договорной грамоты видно, что при этомъ былъ заключенъ не миръ, а перемиріе отъ Спожина (Успенскаго) заговѣнья до Дмитріева дня, т. е. отъ 31 іюля до 26 октября. Михаилъ Александровичъ обязывался по этому договору возвратить все, награбленное имъ въ Московскомъ княжествѣ на первомъ, второмъ и третьемъ перемирії. «А гдѣ въ великомъ княженіи, въ отчинѣ Дмитрія Ивановича, успѣли сѣсть намѣстники или волостели князя Михаила, то онъ долженъ ихъ вывести» ³⁾. Въ случаѣ новаго нападенія со стороны Михаила на московскія владѣнія, Ольгердъ обязывался не заступаться за него. На всякій случай выговорилъ себѣ въ этомъ договорѣ Дмитрій Іоанновичъ право покончить съ Михаиломъ и посредствомъ татарскаго хана. «А что пошли въ орду», читаемъ мы въ договорѣ, «къ царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы въ Божіей волѣ и въ царевой,— какъ повелитъ, такъ мы и будемъ дѣлать, а то отъ насъ не въ измѣну» ⁴⁾.

Такимъ образомъ всѣ усилія Михаила Александровича, всѣ его искусные замыслы и дѣйствія и на этомъ разѣ не привели ни къ чему, а между тѣмъ силы и средства его стали, естественно, истощаться. Посланный имъ въ орду еще въ 1371 году старшій сынъ Иванъ Михайловичъ доселѣ не могъ выѣхать изъ орды, такъ какъ задолжалъ тамъ 10000 рублей. Болѣе счастливый и богатый противникъ Михаила Александровича въ 1373 году выкупилъ

¹⁾ Воскрес. стр. 20.

²⁾ Тв. лѣтопись стр. 433.

³⁾ Борзаковскій стр. 153 и 154.

⁴⁾ Соловьевъ томъ I, стр. 967.

его сына изъ орды. «Князя Ивана Михайловича, сына Александровича приведоша на Москву и начаша его дрѣжати въ истомѣ», говоритъ объ этомъ Тверская лѣтопись.

Но какъ бы ни были ослаблены силы Михаила Александровича, миръ еще не былъ заключенъ, и онъ волею-неволей долженъ былъ готовить силы на случай новаго нападенія со стороны Москвы. Первымъ поднялся противъ Михаила старый внутренній врагъ его, Кашинскій князь Михаилъ Васильевичъ, такъ униженный Михаиломъ Александровичемъ въ началѣ послѣдняго столкновенія его съ Москвою. Онъ «сложилъ цѣлованіе къ Тверскому князю» и поѣхалъ въ Москву. Не достигнувъ своей цѣли въ Москвѣ, онъ отправился въ орду, но такъ же безуспѣшно. Вернувшись оттуда, онъ въ этомъ же году и умеръ. Сынъ его Василій «по слову бабы своеа княгыни Олены, добилъ челомъ князю великому Михаилу». Внутренній раздоръ въ Тверскомъ княжествѣ такимъ образомъ прекратился самъ собою.

Приготовляясь къ нападенію со стороны Москвы, Михаилъ Александровичъ «около града Твери валъ копалъ, и ровъ копалъ отъ Волги до Тмакы Тверскими волостми и Новоторжскими губы, и валъ засыпали отъ Волги ¹⁾. Этими укрѣпленіями онъ привелъ городъ Тверь въ такое оборонительное состояніе, выше котораго она послѣ не поднималась. Едва ли не въ это время и не съ этою цѣлію былъ построенъ Михаиломъ новый городокъ у теперешней деревни Даниловскаго, расположенной на Старицкой дорогѣ вблизи отъ Твери ²⁾. Новыя укрѣпленія на этотъ

¹⁾ Тверская лѣтопись стр. 433. Ровъ этотъ начинался, какъ извѣстно, у Волги между двумя садами, и, пересѣкши Милліонную улицу, мимо Дворянскаго собранія и Обжорнаго ряда, направлялся къ дому Лебедевскаго и выходилъ къ Тьмакѣ у каменнаго моста черезъ эту рѣку.

²⁾ Подъ 1375 годомъ въ Тверской лѣтописи говорится: «и иныхъ много людій биша съ городка новаго з Даниловскаго». Въ одномъ изъ списковъ Тверской лѣ-

разъ, впрочемъ, не потребовались,—Московскій князь, весь 1373 годъ отвлекаемый обороной Московскаго княжества отъ татаръ, въ концѣ этого года рѣшилъ заключить миръ съ Михаиломъ Александровичемъ. «И отпусти съ Москвы князя Ивана съ любовію», а князь Михаилъ свелъ своихъ намѣстниковъ изъ занятыхъ имъ волостей великаго князя Московскаго. «И бысть», по словамъ Тверского лѣтописца, «радость велика всѣмъ христіанамъ»¹⁾.

Г л а в а I V.

Прибытіе въ Тверь Вельяминова и начало борьбы съ Москвой. Осада Твери. Мирные договоры съ Москвой и Новгородомъ. Куликовская битва и вопросъ объ участіи въ ней Тверскихъ дружинъ. Попытка Михаила Александровича получить великокняжескій престолъ при помощи Тохтамыша.

Радость христіанъ по поводу заключенія мира съ Москвой была непродолжительна. «Того же (1374) лѣта Кашинскій князь Васко вступилъ на Москву», раздраженно записалъ Тверской лѣтописецъ. Домашній врагъ Тверского князя бѣжалъ въ Москву, но и у Московскаго князя нашлись свои враги; они прибѣжали въ Тверь. Въ этомъ году умеръ московскій тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Новаго тысяцкаго Московскій князь почему-то не назначилъ. Разсчитывавшій стать послѣ смерти отца своего тысяцкимъ, сынъ его, Иванъ Вельяминовъ разсердился на Московскаго князя и уѣхалъ къ Михаилу Александровичу вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Некоматомъ Суражаниномъ, т. е. купцомъ, торгующимъ дорогими южными товарами. Прибыли они въ Тверь въ 1375 году. Оба они занимали въ Москвѣ видное положеніе. Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ, какъ сынъ московскаго тысяц-

тописи вслѣдъ за этимъ зачеркнуты слѣдующія слова «за пятнадцать версть отъ Твери». Тверск. лѣтопись стр. 435.

¹⁾ Тверская лѣтопись стр. 434.

каго, могъ знать многія политическія обстоятельства, неизвѣстныя другимъ, и тайныя замыслы московскаго правительства. Такъ какъ въ то время у Москвы были довольно сильно обострены отношенія съ татарской ордой и Мамаемъ, то они могли сообщить Тверскому князю многое о замыслахъ Московскаго князя относительно татарской орды и требованій Мамаю. Все это они сообщили Тверскому князю, по всей вѣроятности, въ преувеличенномъ видѣ, желая поскорѣе дать почувствовать Московскому князю свою силу и значеніе. Обращая вниманіе на послѣдующія событія, нельзя не предположить, что московскіе бѣглецы сообщили Михаилу Александровичу что-нибудь и о непріязненныхъ замыслахъ Московскаго князя относительно Твери.

Обезпокоенный сообщеніями о враждебныхъ замыслахъ Москвы, Михаилъ Александровичъ немедленно рѣшилъ воспользоваться ея затруднительнымъ положеніемъ относительно татаръ и предупредить замышляемое Москвою нападеніе на его княжество. Онъ началъ дѣйствовать противъ Москвы, по своему обычаю, очень быстро. Вельяминовъ и Некомать Суражанинъ были почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Тверь отправлены имъ въ орду, а самъ онъ поѣхалъ въ Литву. Михаилъ Александровичъ пробылъ въ Литвѣ недолго и скоро вернулся въ Тверь, заручившись обѣщаніемъ помощи. Въ іюлѣ того же года вернулся изъ орды Некомать съ татарскимъ посломъ Ачихожею и ханскимъ ярлыкомъ на великое княженіе Владимірское. Татары такъ же, какъ и Литва, обѣщали Михаилу помощь противъ Московскаго князя.

Заручившись обѣщаніемъ помощи со стороны Ольгерда и Мамаю, Михаилъ Александровичъ, «не дождавъ ни мало», сложилъ крестное цѣлованіе къ великому князю Димитрію и послалъ своихъ намѣстниковъ въ Торжокъ и Угличе

поле. Если бы расчеты Михаила Александровича на своевременную помощь со стороны Литвы и татаръ оправдались, то, можетъ быть, Тверской князь и осилилъ бы въ данномъ случаѣ Москву, но такъ какъ Михаилъ во время борьбы оказался предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ, то изъ всего этого такъ, хорошо задуманнаго, плана Тверского князя произошла только напрасная «изгыбель христіанская».

27 іюля «въ Твери въ церкви Покровѣ предъ иконою Пречистые свѣча загорѣся, а въ 29 день солнце погнбло ¹⁾). Это было предвѣщаніемъ великихъ бѣдствій для города Твери.

Дмитрій Ивановичъ началъ враждебныя дѣйствія противъ Михаила Александровича съ неменьшею быстротою, чѣмъ и самъ князь Тверской. Разославъ грамоты по всему княженію своему «и къ братіи своей» и повелѣвъ «всѣмъ людемъ къ себѣ вборзѣ быти», онъ самъ безъ промедленія двинулся къ городу Твери. Въ Волоколамскѣ къ нему присоединились съ своими дружинами тестъ его, Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, съ братьями и сыномъ, Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, трое князей Ростовскихъ, князь Смоленскій, двое князей Ярославскихъ, князья: Бѣлозерскій, Кашинскій, Моложскій, Стародубскій, Брянскій, Новосильскій и Торусскій ²⁾). Всѣ эти князья, идя на Михаила Александровича, разсуждали такъ: «Сколько разъ онъ приводилъ ратью зятя своего Ольгерда и много зла христіанамъ сотворилъ, а нынѣ сложился съ Мамаемъ, и съ ханомъ его, и со всею ордою Мамаевою, а Мамай яростью дышитъ на всѣхъ насъ; и если мы допустимъ это, то, соединясь съ ними, онъ насъ побѣдитъ» ³⁾).

¹⁾ П. С. Р. Л. стр. 22, томъ XV, стр. 434.

²⁾ Соловьевъ, томъ I, стр. 968.

³⁾ Борзаковскій стр. 160.

Такимъ образомъ, Московскій князь въ очень короткое время сумѣлъ собрать около себя для борьбы съ Тверскимъ княземъ военныя силы почти всей сѣверовосточной Руси, а князь Тверской долженъ былъ выдержать нападеніе такихъ большихъ силъ одинъ. Исходъ такой неравной борьбы могъ быть только одинъ.

Войска Дмитрія Ивановича 1 августа взяли и разграбили городъ Микулинъ, а 5 августа осадили городъ Тверь, пожгли городскіе посады и окружили городъ тыномъ. 8 августа Дмитрій Ивановичъ приступилъ со всею силою къ городу Твери. Московскія войска «прикатили тури, и приметъ приметоша около всего города, и поидоша біющеся ко Тмацкимъ воротамъ, мостъ же и стрѣлницу зажгоша» ¹⁾. Городъ Тверь почти погибалъ. Жители города Твери «въ скорби... притекоша въ Спасъ, со слезами къ Богу возваща, и помилова Богъ. Князь великій Михайло Волскими ворота москвичъ билъ, и тури посѣкли и пожгли, и москвичи въ вечернюю годину отъ града отступили; и потомъ стали вкругъ всего града и за Волгою» ²⁾. Рѣшительный приступъ многочисленныхъ войскъ Московскихъ къ Твери такимъ образомъ не удался благодаря храбрости, военному искусству и находчивости Тверского князя. Войска московскія, потерпѣвъ немалыя потери, должны были нѣсколько отступить отъ города Твери и начать правильную осаду его. Устроивъ остроги и два большихъ моста чрезъ рѣку Волгу, Дмитрій Ивановичъ послалъ за новгородцами. Новгородцы, желая отмстить Тверскому князю за свое недавнее пораженіе, быстро собрали рать и чрезъ три дня подошли къ Твери ³⁾, «рыкающе съ яростью, скрежчюще зубы на тѣричъ» ⁴⁾.

¹⁾ Ibid, томъ VIII, стр. 22.

²⁾ Ibid, томъ XV, стр. 434.

³⁾ П. С. Р. Л. томъ III, стр. 90.

⁴⁾ Никоновск. лѣтоп. IV, стр. 43.

Цѣлый мѣсяць продержался въ осадѣ Михаилъ Александровичъ, поджидая помощи отъ Литвы и татаръ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что Ольгердъ было выступилъ на помощь Твери, но, испугавшись многочисленности войска великаго князя, вернулся назадъ ¹⁾. Въ концѣ концовъ Тверской князь, покинутый своими союзниками, не видя ниоткуда помощи, рѣшилъ просить мира. «Князь Михайло, видѣвъ изнеможеніе граду своему, видѣвъ трудъ и погибель челоукомъ и скотомъ, отъ глада бывающій, въспрія смиреніе» ²⁾. «И посла владыку Еуфиміа и старѣйшихъ боаръ своихъ къ великому князю Дмитрію Ивановичю съ покореніемъ и съ челобитьемъ, прося мира и даяся въ всю волю великаго князя» ³⁾.

Такъ печально закончилась пятая и послѣдняя борьба Михаила Александровича съ Москвою. Хотя Тверской князь и сумѣлъ, несмотря на громадныя силы, собранныя Московскимъ княземъ, отстоять свой стольный городъ, но многіе города его области: Микулинъ, Зубцовъ, Бѣлгородокъ, Старица были взяты и разорены, и вся Тверская область была страшно опустошена и разорена. Непосредственнымъ послѣдствіемъ такого опустошенія Тверской области былъ голодъ и моръ на людей и скоть ⁴⁾.

Новая крупная неудача Тверского князя естественно отразилась на мирномъ договорѣ съ Москвою, крайне невыгодномъ для Твери. По договору съ Московскимъ княземъ, великій князь Михаилъ призналъ себя младшимъ братомъ Дмитрію Ивановичу и равнымъ удѣльному—Владиміру Андреевичу. Михаилъ Александровичъ цѣлуетъ крестъ къ Дмитрію Ивановичу, къ Владиміру Андреевичу и къ великому Новгороду за своихъ дѣтей и за своихъ

¹⁾ Ibid, томъ VIII, стр. 23.

²⁾ П. С. Р. Л. томъ IV, стр. 71.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ П. С. Р. Л. томъ IV, стр. 71.

племянниковъ; Михаилъ долженъ имъ добра хотѣть во всемъ вездѣ безъ хитрости; если что онъ услышитъ отъ христіанина или отъ поганина, «о добрѣ или о лихѣ», то долженъ повѣдать въ правду, по цѣлованью, безъ хитрости. Михаилъ обязался давать военную помощь Дмитрію Ивановичу на такихъ условіяхъ: если въ походъ пойдетъ не только Дмитрій Ивановичъ, но даже Владиміръ Андреевичъ, то и Михаилъ долженъ садиться на коня; а если пойдутъ воеводы, то и Михаилъ долженъ послать воеводъ; Михаилъ обязался не только за себя, но и за дѣтей своихъ и племянниковъ—не искать Москвы и всего великаго княженія и Новгорода; обязался не искать великаго княженія Владимірскаго, отчины Московскаго князя, если бы татары даже и давали его; съ своей стороны, Дмитрій обязался не искать Твери. «А закладней ти въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженіи не держати, ни грамотъ не давати». Кашинское княжество признавалось независимымъ отъ Тверскаго: Михаилъ обязался не вступаться въ Кашинъ, который вѣдается своимъ вотчичемъ, княземъ Василіемъ, и ордынскимъ выходомъ Кашинъ не тянетъ къ Твери; Михаилъ не долженъ обижать Кашинскаго князя, въ противномъ случаѣ за него заступается Дмитрій. Михаилъ обязывается отпустить захваченныхъ кашинскихъ бояръ, слугъ и людей. Относительно татаръ постановлено: «съ татары же будетъ намъ миръ, по думѣ; а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же; а будетъ не дати, по думѣ же». Если татары пойдутъ на Москву или на Тверь, то биться съ ними общими силами; если Дмитрій пойдетъ на татаръ, то и Михаилъ обязанъ итти на нихъ. Михаилъ не только отказывается отъ союза съ Ольгердомъ, его братьями, сыновьями и племянниками, но даже обязывается воевать съ Литвою, если она пойдетъ на Смоленскаго или Московскаго князя, или на князей союзныхъ; въ свою

очередь, Московскій князь обязывается помогать Тверскому въ подобномъ же случаѣ. Михаилъ обязывается возвратить захваченныхъ имъ московскихъ и княженія великаго бояръ, слугъ и людей, а также и то, что у нихъ пограблено, хотя-бы кто изъ нихъ и не былъ на рати. Не отыскивается то, что взято обѣими сторонами во время самой осады. Бояре и слуги вольные имѣютъ право отъѣзда съ удержаніемъ сель въ прежнихъ волостяхъ, исключая Ивана Вельяминова и Некомата, села которыхъ князь беретъ себѣ. «А кто будетъ служа намъ, княземъ, а вшолъ въ каково дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити. А кто служитъ намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости». Если случится какое спорное дѣло между Тверскимъ и Московскимъ княземъ, то ихъ бояре съѣзжаются на рубежъ для рѣшенія дѣла, но если они не сговорятся на такомъ судѣ, то обращаются къ великому князю Рязанскому Олегу, который въ такомъ случаѣ считается третейскимъ судьей, а князья Московскій и Тверской въ такой общій судъ не вступаются ¹⁾).

По договору съ Новгородомъ, Михаилъ Александровичъ обязывался возвратить Новгороду всѣ села, купленные Тверскими князьями, ихъ боярами и слугами, свести своихъ намѣстниковъ съ Торжка и со всѣхъ новгородскихъ волостей и отпустить безъ окупа всѣхъ плѣнныхъ новгородцевъ и новоторжцевъ. Михаилъ, кромѣ того, долженъ былъ возвратить все пограбленное въ Торжкѣ, въ томъ числѣ и колокола, и церковныя книги, и оклады, по цѣлованью ²⁾).

¹⁾ Борзаковскій стр. 162 и 163. Сравни: Соловьевъ Исторія Россіи томъ I, стр. 968 и 969, Собрание Госуд. грам. и договор. томъ I, № 28.

²⁾ Собран. Госуд. грам. и договор. томъ I, № 16 и 17. Борзаковскій, стр. 162.

Если мы сравнимъ намѣренія Михаила Александровича съ тѣми результатами, которыхъ онъ достигъ въ концѣ своей борьбы съ Москвою, то поймемъ всю тяжесть поражения, понесеннаго имъ. Только при этомъ условіи мы будемъ въ состояніи понять, какую душевную муку долженъ былъ испытывать этотъ даровитѣйшій князь Тверской, рискнувшій бороться противъ рѣшеній большинства русскаго народа, уже давно сдѣлавшаго Москву центромъ своихъ надеждъ на лучшее будущее. Правда, не разъ онъ ставилъ Москву въ крайне опасное положеніе, умѣя воспользоваться для этого каждымъ удобнымъ случаемъ, не разъ, повидимому, едва не достигалъ своей цѣли стать великимъ княземъ Владимірскимъ. И онъ съ честью занялъ бы это мѣсто, родись онъ столѣтіемъ раньше, когда Москва не достигла еще такой силы и значенія въ глазахъ русскаго народа. Но настали другія времена, создались новыя условія, и Михаилъ Александровичъ, несмотря на всю энергію и искусство въ борьбѣ, вмѣсто того, чтобы стать великимъ княземъ русскимъ, долженъ былъ признать себя младшимъ братомъ Московскаго князя, равнымъ незначительному Серпуховскому удѣльному князю. Вмѣсто того, чтобы стать владѣтелемъ всей Руси, онъ пересталъ быть полнымъ хозяиномъ даже и въ своемъ княжествѣ, вынужденный признать независимость отъ Твери Кашинскаго удѣльнаго князя. Такіе жестокіе уроки даетъ иногда жизнь даже и талантливымъ людямъ, и горе тѣмъ, кто не сумѣетъ во время воспользоваться этими уроками.

Почти непосредственно вслѣдъ за поражениемъ Михаила Александровича и заключеніемъ такого невыгоднаго для Твери мира явились на Русь татары и опустошили земли княжества Нижегородскаго и Новосильскаго. Въ это

Последнее условіе устанавливаетъ вѣроятность эпизода изъ житія Ефрема Новоторжскаго.

же время литовцы повоевали Смоленскую область. Воюя эти области, и литва и татары говорили: «зачѣмъ ходили ратью на Тверского князя?»¹⁾ Но эта помощь была уже запоздалою и не могла значительно поправить положенія Михаила Александровича. Страшный погромъ Тверской области, сопровождавшійся гибелью большого количества населенія, долго не могъ ничѣмъ быть исправленъ и надолго подорвалъ силы Тверского князя.

Между тѣмъ и для самой Москвы наступало опасное и критическое время. Наступало первое рѣшительное столкновение съ татарами. По счастью для Москвы, незадолго до этого рѣшительнаго момента сошелъ въ могилу одинъ изъ главныхъ противниковъ Дмитрія Ивановича, Ольгердъ, князь Литовскій (ум. въ 1377 году). Въ лицѣ Ольгерда Тверской князь лишился дѣятельнаго и талантливаго союзника. Это обстоятельство не могло не ослабить Михаила Александровича еще болѣе. Понятно, поэтому, что Тверской князь не могъ и думать воспользоваться борьбой Дмитрія Ивановича съ Мамаемъ для поправленія своего положенія, а вѣроятно, даже посылалъ Московскому князю вспомогательное войско, которое и принимало участіе въ Куликовской битвѣ.

Вопросъ о томъ, принимала или не принимала тверская рать участіе въ Куликовской битвѣ, и доселѣ еще не рѣшенъ окончательно. С. М. Соловьевъ по данному вопросу пишетъ: «Есть извѣстіе, что князь Тверской прислалъ войско съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ. Извѣстіе очень вѣроятно, ибо мы видѣли, что Михаилъ обязался помогать Дмитрію въ войнѣ съ татарами»²⁾. Хотя онъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ,

¹⁾ Никоновск. лѣтоп. IV, 45 и 46 стр.

²⁾ Соловьевъ, исторія россиі томъ I, стр. 977.

что «на извѣстїи о Тверской помощи нельзя много настаивать» ¹⁾, но изъ сопоставленія этихъ двухъ мѣстъ его исторїи можно съ несомнѣнностью заключить, что онъ болѣе склоняется къ тому, чтобы допустить, что Тверская рать участвовала въ Куликовской битвѣ. Еще рѣшительнѣе по этому поводу высказывается И. Бѣляевъ, говоря, что Михаилъ Александровичъ «во время грознаго Мамаева нашествїя въ числѣ первыхъ прислалъ тверскіе полки съ своимъ племянникомъ, Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ, на помощь къ Московскому князю, и полки сіи участвовали въ страшной сѣчѣ на берегахъ Непрядвы» ²⁾. Мнѣніе В. С. Борзаковскаго, всегда крайне осторожнаго въ своихъ конечныхъ выводахъ, въ концѣ концовъ формулируется слѣдующимъ образомъ: «Если на извѣстїи о тверской помощи нельзя много настаивать, то вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, и нельзя совершенно отвергать его» ³⁾. Дѣлая такой выводъ, Борзаковскій обращаетъ вниманіе на то, что извѣстіе о тверской помощи не находится въ болѣе достоверныхъ сказанїяхъ о Куликовской битвѣ, но въ сказанїяхъ распространенныхъ и болѣе или менѣе украшенныхъ, а также на то, что по договору 1375 года Михаилъ Тверской обязался помогать князю Дмитрію, выступая вмѣстѣ съ нимъ самъ лично, а на самомъ дѣлѣ посылаетъ своего племянника. Это обстоятельство, по мнѣнію Борзаковскаго, наводя на нѣкоторое сомнѣніе, въ то же время какъ будто подтверждаетъ самое извѣстіе, такъ какъ «если бы какой-либо авторъ котораго-нибудь изъ разсказовъ о Мамаевомъ побоищѣ или переписчикъ захотѣлъ бы придать болѣе вѣроятности своему вымыслу, то онъ, ко-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Чтенія въ Обществѣ исторїи и древностей руссїйскихъ, 1861 годъ, книга третья, стр. 19.

³⁾ Борзаковскій, стр. 167.

нечно, назвалъ бы личность болѣе крупную, болѣе извѣстную, именно самого Михаила Александровича, а не второстепенное лицо — Ивана Всеволодовича»¹⁾). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту своей исторіи Борзаковскій, кромѣ того, указываетъ, что въ сборникѣ Императорской Публичной бібліотеки, съ котораго, между прочимъ, напечатана Тверская лѣтопись, находится доселѣ еще не напечатанное сказаніе о Донскомъ боѣ, на 193 листѣ котораго перечисляются убитые въ Куликовской битвѣ, и въ числѣ ихъ указывается 104 тверскихъ боярина, и что въ предисловіи къ слову о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ, изданномъ во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1852 г., говорится, что въ Погодинскомъ списокѣ этого слова въ числѣ убитыхъ указывается 74 Тверскихъ князя²⁾). Татищевъ въ своей исторіи говоритъ даже, что въ Куликовскомъ бою тверичи были въ передовомъ полку³⁾).

Принявъ во вниманіе все вышеизложенное, а также и то, что въ спискахъ сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, находящихся среди рукописей Тверского музея, всегда указывается то или другое число убитыхъ тверскихъ бояръ⁴⁾, нельзя не признать, что извѣстіе объ участіи тверскихъ войскъ въ Куликовскомъ боѣ болѣе чѣмъ вѣроятно. Признаніе участія тверского войска въ Мамаевомъ побоищѣ за достовѣрный фактъ вполне согласуется съ тогдашнимъ положеніемъ Тверского княжества и характеромъ Тверского князя. Страшное опустошеніе Тверской области въ 1375 году, несомнѣнно, надолго подорвало силы

1) Борзаковскій, стр. 166.

2) Борзаковскій, примѣч. 769.

3) Татищевъ IV, —278.

4) По сказанію рукописи Тверского Музея за № 169, напр., убито «50 бояриновъ Тверскихъ» (л. 67 и об.).

Тверского князя. Онъ по необходимости долженъ былъ наблюдать крайнюю осторожность и избѣгать всякихъ враждебныхъ отношеній къ Москвѣ. Невозможно предположить, чтобы Тверской князь рѣшился при такихъ обстоятельствахъ пойти противъ силъ всей Руси, соединившейся подъ начальствомъ Московскаго князя. Насколько при такомъ рѣшеніи можно было рассчитывать на помощь татаръ, съ этимъ Тверской князь могъ уже познакомиться на дѣлѣ въ томъ же 1375 году. Самый характеръ Михаила Александровича, заключающій въ себѣ много чертъ благородства и рыцарственной доблести, исключаетъ возможность предположенія, что Тверской князь могъ возстать противъ отечества въ такую тяжкую для него годину. Извѣстіе Татищева, многихъ списковъ сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, отсутствіе извѣстій въ Тверской лѣтописи о какихъ-либо враждебныхъ планахъ Михаила противъ Москвы въ это время почти съ полною несомнѣнностью устанавливаютъ фактъ участія тверского войска въ Куликовской битвѣ. Всякія сомнѣнія и колебанія историковъ по данному вопросу едва-ли не больше всего основываются на ихъ собственныхъ психологическихъ соображеніяхъ о томъ, могъ-ли Тверской князь, еще такъ недавно такой заклятый врагъ Московскаго князя, принять участіе въ Куликовской битвѣ. Но не надо забывать, что тамъ онъ боролся противъ Московскаго князя и чрезмѣрныхъ притязаній его, а Куликовскій бой былъ, несомнѣнно, дѣломъ общерусскимъ. Такой умный князь, какъ Михаилъ Александровичъ, несомнѣнно, не могъ не замѣтить этой разницы. Неудивительно поэтому, что такой талантливый, опытный и безпристрастный историкъ, какъ С. М. Соловьевъ, не могъ не признать извѣстія объ участіи тверского войска въ Куликовской битвѣ «очень вѣроятнымъ». За признаніе несомнѣнности участія тверского войска въ

Куликовской битвѣ говорятъ очень многіе факты и извѣстія, для доказательства же противнаго нельзя указать ни одного факта, кромѣ сомнительныхъ психологическихъ соображеній.

Побѣда въ Куликовскомъ бою досталась Москвѣ недешево и на довольно долгое время ослабила ея силы. Въ татарской ордѣ, на мѣсто низвергнутаго Мамаю, воцарился Тохтамышъ. Онъ почти совершенно неожиданно подкрался къ Москвѣ и осадилъ этотъ городъ. Князь, митрополитъ и многіе бояре оставили городъ. Князь уѣхалъ въ Кострому, митрополитъ укрылся въ Твери. Растерявшіеся москвичи открыли ворота города, положившись на коварное обѣщаніе татаръ не тронуть горожанъ. Татары ворвались въ городъ и произвели поголовное истребленіе беззащитныхъ москвичей. Воцареніе въ татарской ордѣ новаго и сильнаго хана, сумѣвшаго такъ жестоко и такъ скоро отмстить пораженіе татаръ на Куликовомъ полѣ, побудило Михаила Александровича сдѣлать послѣднюю попытку сломить могущество Московскаго князя при помощи татаръ.

Въ то время, какъ Московская область была сильно опустошена татарами подъ предводительствомъ Тохтамыша, Тверской князь сумѣлъ предохранить свою область отъ нападенія ихъ. Когда татарскія войска стали приближаться къ Тверской области, Михаилъ Александровичъ отправилъ Тохтамышу многіе дары съ своимъ киличемъ Гурленемъ. Тохтамышъ милостиво принялъ дары и прислалъ съ Гурленемъ ярлыкъ— «жалованье свое къ великому князю Михаилу Александровичу» ¹⁾. Всѣ эти обстоятельства, естественно, могли пробудить въ Тверскомъ князѣ прежнія его притязанія на великокняжескій престолъ и, повидимому, не безъ надежды на успѣхъ, и Михаилъ Але-

¹⁾ Никонов. лѣтопись IV, стр. 137.

ксандровичъ дѣлаеть новую и послѣднюю попытку одержать побѣду надъ ослабленной Москвой. Почти непосредственно вслѣдъ за погромомъ Тохтамыша, 5 сентября 1382 года Тверской князь поѣхалъ въ орду съ своимъ сыномъ Александромъ ¹⁾. Поѣхалъ онъ въ орду, по словамъ Воскресенской лѣтописи, «околицею» ²⁾, «опасаясь и таясь великаго князя Дмитрія Ивановича» ³⁾. Тверская лѣтопись не говоритъ при этомъ ничего о цѣли поѣздки въ орду Михаила Александровича; Никоновская же лѣтопись говоритъ, что онъ поѣхалъ въ орду, «ища себѣ великаго княженія Володимерскаго и Новгородскаго». Это извѣстіе вполне вѣроятно, тогда какъ Тверская лѣтопись едва-ли не намѣренно замалчиваетъ этотъ неудачный для Тверского князя эпизодъ. Едва-ли не отраженіемъ пріѣзда Тверского князя въ орду является слѣдующее извѣстіе Воскресенской лѣтописи: «Тое же осени пріиде посолъ къ великому князю Дмитрію Ивановичю отъ царя Тохтамыша, именемъ Карачъ, по миру и зъ жалованіемъ отъ царя; князь же великій повелѣ христіанамъ дворы ставити и градъ дѣлати» ⁴⁾. Посолъ Карачъ пріѣхалъ для переговоровъ о мирѣ, а князь непосредственно за отъѣздомъ его приказываетъ укрѣплять города. Очевидно, въ рѣчахъ этого посла было что-нибудь, встревожившее Московскаго князя и заставившее его опасаться новаго нападенія со стороны татаръ. Время пріѣзда этого посла, обезпокоившаго Московскаго князя, совпадаетъ со временемъ пребыванія въ ордѣ Тверского князя. Вѣроятно, Тверской князь сыгралъ немалую роль во всемъ этомъ эпизодѣ. Всѣ эти обстоятельства вынудили великаго князя послать въ орду своего старшаго

¹⁾ Тверская лѣтопись стр. 442.

²⁾ Воскресенск. стр. 48.

³⁾ Никоновск. IV, 138.

⁴⁾ Воскресенская лѣтопись стр. 48.

сына Василя вмѣстѣ съ лучшими боярами Московскими «тягаться съ княземъ Михаиломъ Тѣерскимъ о великомъ княженіи» ¹⁾. Результатомъ этого «тяганія» было то, что осенью слѣдующаго года «Михаиль Александровичъ Тѣерскій выиде изъ орды безъ великаго княженія; а сынъ его князь Александръ оста въ ордѣ, а князя Василя Дмитреевича царь у себе же оставилъ въ ордѣ» ²⁾, «прія» его «въ 8000 сребра» ³⁾. Понятно, недешево стало все это дѣло и Тверскому и Московскому князьямъ, но и на этотъ разъ Московскій князь пересилилъ. Тохтамышъ пожаловалъ Тверского князя только его «отчиною и дѣдиною великимъ княженіемъ Тверскимъ»; въ отвѣтъ же на его притязанія на Владимірскій престолъ, Тохтамышъ будто бы сказалъ: «Я улусы свои самъ знаю, и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою, и я его жалую, а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрія Московскаго—и я его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ во отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину во Тверь, и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую» ⁴⁾. Такъ закончилась послѣдняя попытка Тверского князя одолѣть Московскаго князя. Сынъ его, Александръ Михайловичъ пробылъ въ ордѣ до 1386 года, такъ какъ Михаилъ Александровичъ до этого времени, можетъ быть, не потерялъ еще надежды стать великимъ княземъ Владимірскимъ ⁵⁾. Александръ Михайловичъ за свое долгое пребываніе въ ордѣ былъ прозванъ «ордынцемъ».

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid, стр. 49.

³⁾ Новгор. IV, 90: князь въ закладѣ....

⁴⁾ Никоновск. IV, 141.

⁵⁾ Какой-то князь ордынскій долго смущалъ княжичей Тверского и Московскаго, «обѣщевая дати комуждо великое княженіе, яко и царя, глаголаше, на сіе приведу. (Борзаковскій, стр. 168).

Въ Воскресенской лѣтописи находится любопытное извѣстіе отъ того же 1383 года слѣдующаго содержанія: «Тое же зимы убіенъ бысть на Москвѣ нѣкій брехъ, именемъ Некоматъ, за нѣкую крамолу» ¹⁾. Не тотъ-ли это Некоматъ Суражанинъ, который въ 1375 году убѣжалъ изъ Москвы въ Тверь вмѣстѣ съ Вельяминомъ? Если тотъ, то какъ и когда онъ былъ захваченъ Московскимъ княземъ? Лѣтописи объ этомъ молчатъ. Впрочемъ, еще раньше Некомата поплатился за измѣну своею головой и Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ ²⁾.

Г л а в а V.

Попытка Михаила Ярославича поставить своего кандидата на митрополию всея Руси. Тверской епископъ Андрей и св. митрополитъ Петръ. Запрещеніе митрополитомъ Петромъ похода на Нижній-Новгородъ. Александръ Михайловичъ и митрополитъ Феогностъ. Коварный захватъ Михаила Александровича въ Москвѣ и попытка его отдѣлаться отъ Московской митрополіи. Отношенія его къ митрополиту Кипріану. Епископъ Тверской Евфимій Вислень и судъ надъ нимъ. Разныя извѣстія объ этомъ судѣ и заключеніе.

Немало времени своего княженія Михаилъ Александровичъ вынужденъ былъ посвятить установленію правильныхъ отношеній между церковью и государствомъ, при чемъ встрѣтилъ немало затрудненій. Вопросъ объ этомъ издавна занималъ Тверскихъ князей, и попытка окончательнаго разрѣшенія его со стороны Михаила Александровича является такимъ образомъ естественнымъ послѣдствіемъ предшествующихъ моментовъ въ исторіи Тверского княжества.

Еще Михаилъ Ярославичъ, ставъ великимъ княземъ Владимірскимъ, сдѣлалъ попытку поставить въ митрополиты всея Руси своего избранника. Онъ едва-ли не первый изъ тогдашнихъ князей русскихъ понялъ всю важность

¹⁾ Воскресенск. стр. 49.

²⁾ Ibid, стр. 33.

дружественныхъ отношеній съ митрополитомъ. Но избранный имъ кандидатъ въ митрополиты почему-то запоздалъ прибытіемъ въ Константинополь, и патриархъ Константинопольскій поставилъ митрополитомъ всея Руси игумена Петра, кандидата Волынскаго князя, сказавъ: «Не достоинъ мірянномъ избранія святительскія творити» ¹⁾. Понятно, Михаилъ Ярославичъ не могъ быть доволенъ такимъ оборотомъ дѣла, хотя онъ и не высказалъ своего неудовольствія явно. Нападеніе на новаго митрополита было произведено съ другой стороны. Тверскимъ епископомъ въ то время былъ Андрей, происходившій изъ рода князей литовскихъ и родственникъ Псковскаго князя Довмонта. Онъ, по словамъ житія митрополита Петра и Никоновской лѣтописи, «лехка убо суца умомъ, легчайша же и разумомъ», по зависти «сплелъ ложная и хульная словеса» и послалъ доносъ на Петра Константинопольскому патриарху Аѳанасію, который удивился этому доносу и послалъ въ Россію своего клирика, велѣвши сказать Петру: «Потщися убо сие очистити и исправити» ²⁾. Митрополитъ Петръ собралъ, по этому поводу, соборъ въ Переяславлѣ. О томъ, въ чемъ обвинялъ епископъ Андрей митрополита, и что произошло на соборѣ, всѣ дошедшіе до насъ письменные памятники не говорятъ почти ничего; извѣстно только, что митрополитъ Петръ долженъ былъ обратиться къ собору съ такими словами: «Братія и чада о Христѣ возлюбленная, не лутчи есмъ яз Ионы пророка; аще убо мене раді есть волнение сие великое, изженитъ менѣ, и уляжетъ

¹⁾ Макарій Ист. Русской Церкви, томъ IV, стр. 17. Преосвященный Макарій, рассказывая эту исторію, избѣгаетъ называть имена. Совершенно инымъ образомъ поступаетъ Борзаковскій: довольно подробно рассказавши этотъ эпизодъ въ своей исторіи, онъ еще съ большею обстоятельностью излагаетъ его въ особомъ приложеніи, стр. 95—98; 245—252.

²⁾ Борзаковскій, стр. 247.

молва отъ васъ; почто убо толико менѣ ради подвижетесь!»¹⁾. Этими словами онъ утишилъ волненіе, охватившее отцовъ собора, и, обратившись къ епископу Андрею, сказалъ: «Миръ ти, чадо, не ты бо се сътвори, но діаволъ»²⁾. Князь Тверской посылаетъ въ Константинополь своего кандидата въ митрополиты, а епископъ Тверской шлетъ доносъ на поставленнаго противъ воли Тверского князя митрополита. Такое совпаденіе этихъ двухъ фактовъ говорило очень много и не могло укрыться отъ взгляда новаго митрополита. Подъ 1312 годомъ Никоновская лѣтопись помѣщаетъ слѣдующее извѣстіе: «Князь Дмитрей Михайловичъ Тверский собравъ воинства много, хотя ити на Новгородъ-Нижній, и не благослови его Петръ митрополитъ столомъ въ Володимери. Онъ же отстоявъ три недѣли въ Володимери, собрався съ силою многою, бия челомъ Петру митрополиту, да его разрѣшитъ. И тако распусти вои своя, и идоша каждо во свояси»³⁾. Этотъ походъ тверскихъ войскъ на Нижній-Новгородъ былъ попыткой со стороны Михаила Ярославича къ естественному расширенію Тверского княжества. Попытка эта не удалась вслѣдствіе запрещенія митрополита, послѣ Переяславльскаго собора сблизившагося съ будущимъ княземъ Московскимъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитой. Трудно не сопоставить послѣдняго факта съ двумя предшествующими, а при сопоставленіи ихъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Макарія Ист. Рус. Церк. томъ IV, стр. 310. Стремленіе нѣкоторыхъ писателей сблизить епископа Андрея съ возникшею въ то время ересью (Борзаковскій, стр. 248) не оправдывается исторической критикой. По данному вопросу нельзя, по нашему мнѣнію, не согласиться съ доводами такого компетентнаго писателя, какъ митрополитъ Макарій (Ист. Р. Ц. IV, 312 и 313). Любопытно, что еще до него высказалъ и обосновалъ это мнѣніе одинъ изъ мѣстныхъ тверскихъ писателей въ Тверскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (см. Тв. Губ. Вѣд. за 1851 годъ). Соборъ въ Переяславль, по мнѣнію преосвященнаго Макарія, былъ не позже 1311 года (Ibid, стр. 18); Борзаковскій относитъ этотъ соборъ къ 1311 году (стр. 97).

³⁾ Борзаковскій примѣч. 422.

нельзя не признать послѣдній фактъ слѣдствіемъ двухъ предыдущихъ. Естественно, что у Тверского князя не могъ не возникнуть вопросъ о законности подобнаго вторженія духовной власти въ гражданскія и военныя дѣла Тверского княжества.

Еще болѣе выразительный въ этомъ направленіи фактъ произошелъ въ княженіе Тверского князя Александра Михайловича. Этотъ князь, послѣ избіенія татаръ въ Твери, принужденъ былъ бѣжать во Псковъ. Противъ него двинулся Московскій князь Іоаннъ Калита съ большимъ вспомогательнымъ отрядомъ татаръ,—но предоставимъ лучше рассказъ объ этомъ событіи Псковской лѣтописи, такъ какъ въ этомъ именно городѣ и разыгрались всѣ дальнѣйшія событія. Псковскій лѣтописецъ о данномъ событіи повѣствуетъ такъ: «Въ лѣто 6835-ое (1327) боголюбивый князь Александръ подымя мало дружинѣ и поѣхавъ во Псковъ градъ; и псковичи его пріяша честно, и крестъ къ нему цѣловаша и посадиша его на княженіе. И на третье лѣто вложи окаянный врагъ діаволъ въ сердце княземъ русскимъ взыскати князя Александра, повелѣніемъ окаяннаго царя Возбѣяка, и подъяше всю землю русскую, и пріѣхавше къ Новгороду, и подъяше новгородцевъ и всю область Новгородскую отъ Бѣлаозера и отъ Заволочья и отъ Корѣлы. И ставше у Новагорода послаша послове во Псковъ, Луку Протасьева съ дружиною, отъ Новагорода владыку Моисея, и тысяцкаго Авраама, и Федора посадника; и рекоша князю Александру: «Поѣди, господине, въ орду, не погуби крестіанъ отъ поганыхъ». Боголюбивый же князь хотѣ поѣхати въ орду за вся крестіаны. И рекоша псковичи: «Не ѣзди, господине, въ орду; оже что будетъ на тобѣ, изомремъ, господине, съ тобою въ единомъ мѣстѣ». И догадашася князь Иванъ, оже не вынати князя Александра, ни выгнати ратію, и намолви митропо-

лита Θεогноста; и посла митрополитъ въ Псковъ проклятiе и отлученiе на князя Александра и на весь Псковъ. Боголюбивый же князь Александръ рече псковичемъ: «Братья моя и друзи мои! не буди на васъ проклятiя ни отлученiя мене ради; ѣду изъ града вашего вонъ, не буди вашего цѣлованiя на мнѣ, ни моего на васъ, толико цѣлуйте крестъ на княгини моей, како вамъ не выдати». И псковичи цѣловаше крестъ, и выѣха князь Александръ изъ Пскова пословно съ псковичи, не мога трыѣти проклятiя и отлученiя, зане князь Александръ добротою и любовiю въ сердци псковичемъ»¹⁾. Не былъ-ли въ правѣ лѣтописецъ сказать Московскому митрополиту и князю отъ лица Александра Михайловича по поводу этого факта слѣдующiя слова: «Вамъ было бы хорошо другъ за друга и братъ за брата стоять, а татарамъ не выдавать; имъ противиться, стоять другъ за друга и за русскую землю и за православное христіанство; вы же наоборотъ дѣлаете и татаръ наводите на христіанъ и братью свою предаете татарамъ²⁾».

А вотъ безхитросный рассказъ лѣтописца «о поиманii» въ Москвѣ героя нашего рассказа, князя Михаила Александровича «Того же 6876 лѣта (1368) князь великій Дмитрей Ивановичъ да Алексѣй митрополитъ князя Михаила Александровича Тверского зазваша на Москву любовiю, и бысть ему судъ на третiй день, и поимаша его и бояръ его всѣхъ, и разведоша ихъ разно, и державъ ихъ въ истомѣ, а князь Михайло сѣде на Гавшинѣ дворѣ. И потомъ не за долго время приидоша татарове отъ орды Карачь; князь же великій тогда укрѣпивъ князя Михаила крестнымъ цѣлованiемъ отпустивъ его въ свою отчину; онъ же съжалися о томъ велми и положи въ измѣну, и

¹⁾ П. С. Р. Л. томъ IV, стр. 185.

²⁾ Борзаковскiй, стр. 255.

имѣаше ненависть къ великому князю Дмитрію, паче же и на митрополита жаловашеся»¹⁾.

Мы приводимъ всѣ эти факты не съ цѣлю осудить дѣятельность упоминаемыхъ въ разсказѣ о нихъ Московскихъ митрополитовъ. Это были великіе патріоты и дальновидные политики, много потрудившіеся надъ объединеніемъ Руси, и всякій русскій человѣкъ не можетъ не преклониться предъ ихъ священной памятью. Мы приводимъ эти факты потому, что только полное и всестороннее обсужденіе историческихъ фактовъ, во всей ихъ совокупности, дастъ возможность вѣрно понять и сцѣнить душевное настроеніе, намѣренія и побужденія того или другого историческаго дѣятеля. Въ данномъ случаѣ, съ одной стороны, мы имѣемъ дѣятелей, стремящихся, во что-бы то ни стало и какъ можно скорѣе, достигнуть объединенія Руси съ цѣлю упроченія ея могущества и сверженія татарскаго ига, а съ другой, предъ нами стоятъ крупнѣйшіе представители прежняго, еще очень жизненнаго удѣльно—вѣчеваго порядка. Идеи, лежавшія въ основѣ этого порядка, еще были живы, и люди, державшіеся ихъ, считали ихъ безусловно правильными. Что они должны были чувствовать, когда видѣли, что вполнѣ законныя съ ихъ точки зрѣнія права ихъ попираются, и всѣ протесты ихъ противъ этого считаются за ничто? Вотъ тѣ пункты, въ которые мы должны вдуматься для того, чтобы понять мотивы и душевное настроеніе этихъ такъ давно жившихъ историческихъ дѣятелей.

Въ самомъ дѣлѣ, что долженъ былъ почувствовать Михаилъ Александровичъ по отношенію къ митрополиту, послѣ того какъ онъ былъ коварно захваченъ въ Москвѣ? Могъ-ли онъ не обвинить въ этомъ захватѣ митрополита,

¹⁾ П. С. Р. Л. томъ VIII, стр. 15.

приглашавшаго его въ Москву вмѣстѣ съ княземъ? Вполнѣ понятны послѣ этого все его огорченіе и гнѣвъ противъ митрополита, несправедливо, по его мнѣнію, ставшаго на сторону Московскаго князя. Неудивительно поэтому, что при первой возможности Михаилъ Александровичъ послалъ на митрополита Алексѣя жалобу Константинопольскому патріарху Каллисту, гдѣ требовалъ соборнаго суда надъ митрополитомъ за согласіе на коварный захватъ его въ Москвѣ. Союзникъ Михаила Александровича Ольгердъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы и самому принести жалобу на митрополита Алексѣя. Въ своей жалобѣ онъ обвинялъ митрополита въ томъ, что онъ никогда не посѣщаетъ Кіева и Литовскаго княжества, во всемъ исполняетъ волю князя Московскаго и не любитъ другихъ русскихъ князей. Патріархъ Константинопольскій прислалъ по поводу жалобы Тверскаго князя грамоту митрополиту Алексѣю, въ которой приказывалъ, чтобы онъ или самъ лично явился на судъ, или прислалъ особыхъ чиновниковъ, а самое лучшее «какъ отецъ и учитель, позаботился примириться съ княземъ Тверскимъ Михаиломъ и, если сдѣлалъ какую ошибку, то уступилъ бы ему и имѣлъ его, какъ сына, наравнѣ съ другими князьями»; по поводу жалобы Ольгерда патріархъ совѣтовалъ святителю Алексѣю имѣть всѣхъ русскихъ князей сынами своими и всѣхъ одинаково любить. Эти посланія патріарха «остались безъ добрыхъ послѣдствій»: ни та ни другая сторона не сдѣлали никакихъ шаговъ къ примиренію. По смерти Каллиста, Михаилъ Александровичъ обратился поэтому съ новой жалобой къ его преемнику Филоѳею. Патріархъ Филоѳей сначала рѣшилъ было вызвать на судъ въ Константинополь митрополита Алексѣя и Тверскаго князя, но потомъ передумалъ и прислалъ Тверскому князю особую грамоту.—Въ этой грамотѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «Нынѣ мнѣ лучшимъ представляется, что

вовсе неприлично и бесполезно какъ для души твоей, такъ и для чести твоего рода, имѣть судъ, тяжбу и раздоръ съ митрополитомъ. Кто изъ князей когда-либо судился съ митрополитомъ? Судился ли когда отецъ твой, дѣдъ, или кто-либо другой изъ рода твоего? А потому оставь и ты вражду и тяжбу, пойдѣ и примиришь со отцемъ своимъ митрополитомъ; проси у него прощенія и принеси раскаяніе, да приметъ онъ тебя и полюбитъ, и имѣетъ тебя, какъ сына своего. Если онъ сдѣлалъ въ отношеніи къ тебѣ что-либо, надлежало тебѣ потерпѣть и скорѣе обратиться къ нему и попросить у него благословенія и прощенія, а не искать суда, не заводить смуты. Если же ты не сдѣлалъ этого вначалѣ, то сдѣлай теперь и попроси у него благословенія и снисхожденія, и если погрѣшилъ въ чемъ, исправься: это послужитъ къ чести и славѣ твоей и твоего рода и къ пользѣ душевной. Я написалъ теперь же и къ митрополиту твоему, и если ты покаешься, онъ приметъ тебя и полюбитъ болѣе прежняго, какъ сына близкаго. Если же вы не желаете сего, ищите суда; я не воспреещаю, но помните, чтобы не случилось съ вами хуже». Нельзя не признать, что трудно было Михаилу Александровичу искренно примириться съ такимъ рѣшеніемъ дѣла. Борьба противъ митрополита Алексѣя поэтому не прекратилась. На этотъ разъ выступаетъ на сцену не самъ Михаилъ Александровичъ, а его союзникъ Ольгердъ. Митрополитъ Алексѣй, оправдываясь отъ обвиненій, взводимыхъ на него Ольгердомъ, между прочимъ написалъ патріарху, что онъ боится посѣщать Кіевъ, такъ какъ однажды подвергся тамъ нападенію со стороны самого Ольгерда ¹⁾. Въ отвѣтъ на это Ольгердъ написалъ патріарху: «Прислалъ ты ко мнѣ писаніе, что митрополитъ печалуетъ тебѣ о неправдѣ и

¹⁾ Объ этомъ нападеніи Ольгерда см. Макарія, Ист. Р. Ц. IV, 45 и 46.

говорить: «царь—де Ольгердъ дѣлаеть набѣги». Не я началъ нападать, а начали сперва они, и крестнаго цѣлованія, что имѣли ко мнѣ, не сложили, и клятвенной грамоты ко мнѣ не отослали. И дѣлали они на меня набѣги девять разъ, и шурина моего князя Михаила подъ клятвою переманили къ себѣ. И митрополитъ обнадежилъ его, что онъ будетъ приходить и уходить по своей волѣ, а потомъ его взяли подъ стражу. И зятя моего Бориса, князя Нижняго-Новгорода, и его схватили и княжество его взяли, и зятя Ивана, князя Новосильскаго, и мать его схватили, и дочь мою взяли, и клятву, прежде данную, не сложили... И мы, того не терпя, на нихъ самихъ сдѣлали нападеніе; а не исправятъ ко мнѣ, и нынѣ терпѣть не буду. По благословенію твоему митрополитъ благословляетъ ихъ на пролитіе крови. А донынѣ и за отцевъ нашихъ не бывало такого митрополита, каковъ сей митрополитъ: благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови! И ни къ намъ не приходитъ, ни въ Кіевъ не отправляется. А кто цѣловаль крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нему, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе... Подобало митрополиту благословлять москвитянъ, чтобы намъ помогали, такъ какъ мы ратуемъ за нихъ съ нѣмцами. А мы зовемъ митрополита къ себѣ, и онъ нейдетъ къ намъ. Дай намъ другого митрополита на Кіевъ, на Смоленскъ, на Тверь, на малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ». Ольгердъ просить особаго митрополита и для Твери, всего вѣроятнѣе, не безъ согласія Михаила Александровича. Такимъ образомъ Тверской князь, не находя нигдѣ управы противъ неправильныхъ, съ его точки зрѣнія, дѣйствій Московскаго митрополита, пришелъ къ мысли о выдѣленіи своего княжества изъ Московской митрополіи. Онъ рѣшается на все, чтобы только избавиться отъ чрезмѣрнаго, по его мнѣнію,

вмѣшательства представителей духовной власти въ дѣла гражданскаго управленія.

Въ концѣ концовъ патріархъ Филоѳей нашель себя вынужденнымъ исполнить просьбу двухъ крупнѣйшихъ противниковъ Московскаго князя и въ 1376 году рукоположилъ въ Кіевскіе митрополиты серба Кипріана ¹⁾. Онъ поставилъ его въ митрополиты еще при жизни святителя Алексѣя съ тѣмъ, чтобы по смерти его Кипріанъ сталъ митрополитомъ всея Руси. Но Кипріану захотѣлось получить въ свои руки управленіе всей митрополіей немедленно; въ такомъ смыслѣ онъ и началъ дѣйствовать. Прежде всего онъ отправился въ Новгородъ, но новгородцы сказали ему: «Шли къ великому князю на Москву, и аще ты приметъ митрополитомъ на Русь, то и намъ еси митрополитъ» ²⁾. Великій князь Дмитрій «не пріялъ его», сказавъ: «Есть у насъ митрополитъ Алексѣй» ³⁾ Какъ отнесся ко всему этому Михаилъ Александровичъ? Къ сожалѣнію, ни Тверская, ни другія лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ, такъ что объ этомъ можно только гадать. Принявъ во вниманіе негодованіе Михаила Александровича на митрополита Алексѣя и его дружественныя отношенія къ митрополиту Кипріану въ послѣдствіи, нельзя не признать довольно вѣроятнымъ признанія его митрополитомъ русскимъ со стороны Тверскаго князя. Послѣ смерти митрополита Алексѣя, послѣдовавшей 12 февраля 1378 года, въ вопросѣ о церковномъ управленіи Руси поднялась еще большая смута. Дмитрій Іоанновичъ и послѣ смерти святителя Алексѣя не пожелалъ признать митрополита Кипріана, а отправилъ въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты архимандрита Митяя. Митяй предъ отъѣздомъ въ Царьградъ сказалъ

¹⁾ Объ обстоятельствахъ его постановленія см. *ibid*, стр. 59, 60.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, стр. 25.

³⁾ *Ibid* т. XV, стр. 436.

князю: «Аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да дай ми харатью ненаписану, а подписану и запечатану твоею печатію великаго князя, да возму съ собою на запасъ, да егда что ми будетъ надобѣ заняти сребра тысячу или колико въ оскудѣнїи, или въ нужи, да напишу си въ ней». Князь далъ такую хартію, сказавъ: «Да егда что ти будетъ, то се ти буди и кабала моя съ печатію» ¹⁾, настолько онъ любилъ Митяя и настолько хотѣлъ его видѣть митрополитомъ. Но Митяю не суждено было доѣхать до Константинополя. Уже въ виду этого города онъ внезапно скончался. Смерть его была нѣсколько загадочна, и о ней еще въ то время ходили разнорѣчивые слухи. «Ини глаголаху о Митяи», говоритъ Никоновская лѣтопись, «яко задушиша его, инїи же глаголаху, яко водою морскою умориша его, понеже и епископи вси, и архимандриты, и игумены, и священницы, и иноцы, и вси бояре, и люди не хотяху Митяя видѣти въ митрополитѣхъ; но единъ князь великій хотяше» ²⁾. Слухи о насильственной смерти Митяя необходимо принять во вниманіе, чтобы понять послѣдующія событія. Спутники Митяя сообща порѣшили представить на его мѣсто другого кандидата. Большинство остановилось на архимандритѣ Пименѣ. Послѣдній «въ казню загляда, обрѣте харатію ненаписану за великаго князя печатію и написа на ней отъ великаго князя Дмитрея русскаго къ царю и патріарху: «Избрахъ на Русь повелику сего Пимина и паче того иного не обрѣтохомъ» ³⁾. Царь и патріархъ сначала было сказали: «Что сиче пишетъ князь великій русскій о Пиминѣ, а поставленъ есть готовъ митрополитъ на Руси Кипріанъ, давно поставленъ есть святѣйшимъ патріархомъ Филоѳеемъ, того и отпустили есмы на русскую

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, стр. 30.

²⁾ Никоновск. лѣтоп. IV, 76.

³⁾ П. С. Р. Л. XV, стр. 440.

землю митрополитомъ, а кромѣ того иного не требуетъ поставити»¹⁾). Но спутники Митяя не скупились. Они заняли на имя великаго князя до 20000 рублей «и разсулиша посулы многіе, и раздаваше сюду и сюду, а яже поминковъ и дары никтоже можетъ рещи или исчислити, и тако едва утолиша всѣхъ»²⁾). Архимандритъ Пимень былъ поставленъ въ митрополиты всея Руси.

Новопоставленный митрополитъ пріѣхалъ въ Москву, но Дмитрій Іоанновичъ «не пріялъ его и клобукъ бѣлый съ главы снялъ». Спутниковъ митрополита разослали, самого его отправили въ Галичъ, Чухлому и, наконецъ, въ Тверь. Зачѣмъ былъ присланъ непризнанный митрополитъ въ Тверь? Если онъ содержался здѣсь въ заточеніи³⁾, то почему именно въ Твери? Если обратить вниманіе на то, что великій князь еще до пріѣзда Пимена призвалъ изъ Кіева на митрополию въ Москву митрополита Кипріана, стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Тверскимъ княземъ, то можно предположить, что Пимень былъ отправленъ именно въ Тверь по желанію самого Кипріана. Заточеніе Пимена въ Твери могло казаться Кипріану самымъ надежнымъ. Дмитрій Іоанновичъ рѣшилъ такимъ образомъ признать митрополитомъ Московскимъ Кипріана, тогда какъ незадолго предъ этимъ Кипріанъ былъ тяжело оскорбленъ

1) П. С. Р. Л. VIII, стр. 32.

2) Ibid.

3) Утверждать это, повидимому, даетъ полное право слѣдующее мѣсто Воскресенской лѣтописи. Здѣсь мы читаемъ: «По седми же мѣсяцѣхъ прихода его (Кипріана) прииде вѣсть, яко Пиминъ иде изъ Царьграда на Русь митрополитомъ; князь же великій противу ему, и егда бысть въ Коломнѣ, и ту разведоша отъ него вся сущая люди, бывшаа съ нимъ, и сняша съ него клобукъ бѣлый, и весь санъ митрополичій отьяша отъ него, и приставиша къ нему Ивана сына Григорьева Чюрилова, нарицаемаго Драницу, и поведоша Пимина въ заточеніе съ Коломны на Охну, не замаа Москвы, и оттоя къ Переяславлю, таже къ Ростову и къ Костромѣ и къ Галичю; приведше же его на Чохлому, ту и посадиша его; и пребысть ту едино лѣто и оттуду ведень бысть на Тверь». П. С. Р. Л. VIII, стр. 32.

въ Москвѣ, какъ ставленникъ Литовскаго князя ¹⁾. Очевидно, на такую рѣшимость князя немало повліяли слухи о смерти его любимца Митяя ²⁾.

Но недолго на этотъ разъ и митрополитъ Кипріанъ пользовался расположеніемъ великаго князя. Передъ погромомъ Москвы Тохтамышемъ митрополитъ оставилъ вслѣдъ за княземъ городъ Москву и уѣхалъ въ Тверь. Это не понравилось Дмитрію Ивановичу; онъ, «укоривъ митрополита за малодушное удаленіе изъ столицы въ минуты опасности, объявилъ ему, что не желаетъ болѣе имѣть его своимъ архипастыремъ» ³⁾, и принялъ съ великою честію Пимена. Но недовольный и Пименомъ, Дмитрій Ивановичъ отправилъ въ Константинополь новаго кандидата. Патріархъ поставилъ въ митрополиты и его, но этотъ новый митрополитъ такъ и не доѣхалъ до Москвы. Онъ былъ захваченъ въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ, тамъ въ Ковской тюрьмѣ онъ и скончался.

Смута въ церковномъ управленіи Руси окончилась только со смертью Дмитрія Іоанновича. Сынъ и преемникъ его, Василій Дмитріевичъ однажды навсегда призналъ Кипріана митрополитомъ всея Руси и находился все время его правленія въ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ.

Вотъ тѣ обстоятельства, которыя не могли не сдѣлать Тверскаго князя Михаила Александровича особенно чуткимъ ко всякому нестроенію церковному, ко всякой попыткѣ со стороны духовной власти вторгнуться въ область власти гражданской. На этой-то почвѣ и разыгралось очень любопытное, хотя и мало доселѣ разъясненное столкнове-
ніе Тверскаго князя съ епископомъ Тверскимъ Евѡиміемъ

¹⁾ Макарій Ист. Р. Ц. IV, стр. 64—66.

²⁾ «Что случилось съ самимъ Митяемъ, я не знаю,—Богъ да судить неправду, о которой я слышу. Только Пимена я не принимаю и видѣть не хочу», говорилъ князь, узнавъ о пріѣздѣ Пимена. Макарій Ист. Р. Ц. IV, стр. 71.

³⁾ Ibid, стр. 72.

дѣленныхъ данныхъ. Къ числу этихъ источниковъ нужно отнести Тверскую лѣтопись, сообщающую самый краткій, Висленемъ. Начало этого столкновенія Тверская лѣтопись относитъ къ 1386 году. Подъ этимъ годомъ въ Тверской лѣтописи помѣщено между прочимъ слѣдующее извѣстіе: «Той же зыми князь Михайло не захотѣ Евѡиміа владыки; онъ же иде въ монастырь къ святому Николѣ надъ ручаемъ» ¹⁾. Это не Малицкій монастырь, какъ говоритъ авторъ списка святителей, управлявшихъ Тверскою епархіею со времени ея учрежденія до 1804 года ²⁾, а Никольскій монастырь, бывшій, по преданію, на мѣстѣ нынѣшней Благовѣщенской церкви, что въ Воляняхъ ³⁾. Въ этомъ монастырѣ Евѡимій прожилъ до 1390 года.

Въ этомъ году Михаилъ Александровичъ пригласилъ въ Тверь митрополита Кипріана для суда надъ епископомъ Евѡиміемъ. Митрополитъ пріѣхалъ въ Тверь вмѣстѣ съ двумя царьградскими митрополитами и двумя русскими епископами: Смоленскимъ и Пермскимъ. Пріѣхавшимъ архипастырямъ была оказана въ Твери самая торжественная встрѣча. По пріѣздѣ въ Тверь ихъ чествовали торжественными пиршествами въ теченіе трехъ дней, причемъ имъ были предложены немалые «дарове» ⁴⁾. Послѣ этого состоялся соборный судъ надъ провинившимся епископомъ, «и извергоша епископа Евѡимія» ⁵⁾.

Въ чемъ провинился епископъ Тверской Евѡимій и за что былъ осужденъ на соборѣ, объ этомъ дошедшіе до насъ памятники не сообщаютъ вполнѣ точныхъ и опре-

¹⁾ Тв. лѣтопись, стр. 444.

²⁾ Тверскія Губернск. Вѣд. 1865 г. № 2.

³⁾ Авторъ біографій тверскихъ іерарховъ, прот. Чередѣевъ говоритъ, что Евѡимій Вислень былъ поставленъ въ епископы изъ игуменовъ отъ Николы съ Ручья (стр. 33), но не указываетъ, на чемъ основывается это его показаніе.

⁴⁾ Тверская лѣтопись, стр. 445.

⁵⁾ Ibid.

такъ сказать, схематическій разсказъ объ этомъ событіи, и Никоновскую лѣтопись, содержащую въ себѣ очень подробный и во многомъ отличающійся отъ другихъ источниковъ разсказъ о судѣ надъ Тверскимъ епископомъ. Кромѣ того, еще Карамзинъ указалъ на одну приписку къ харатейному церковному уставу Синодальной библіотеки подъ № 216. Въ этой припискѣ, между прочимъ, читаемъ: «И бысть на четвертый день» (послѣ трехдневныхъ пиршествъ), «сѣбращася старци, и архимандриты, и игумени, и попове, и дьякони, и весь священнический чинъ къ князю къ великому: онъ же съзва свои бояре и съвокупи обои въ едино мѣсто, и посла къ митрополиту; они же начаша жаловатись о мятежи церковнѣмъ на Евфимію, епископа Божія Тфери града. Митрополитъ же съвокупи съборъ и нача судити, и не обрѣтесе у Евфимію правда во устѣхъ его, яко же рече Давидъ: мужъ кривъ не препловитъ днѣй своихъ. Архимандриты и игумены и попове и бояре истягаша его во многихъ судѣхъ. Митрополитъ же суди по правиломъ свв. отецъ съборомъ, и извергоша его» ¹⁾. Бѣляевъ по поводу этой выдержки Карамзина говоритъ: «Харатейный церковный уставъ, на который ссылается здѣсь Карамзинъ, по почерку дѣйствительно является современнымъ суду надъ епископомъ Евѣиміемъ, и, слѣдовательно, его свидѣтельство должно бы было предпочесть свидѣтельству Никоновской лѣтописи, которая всѣ обвиненія на Евѣимію называетъ клеветами. Но, къ сожалѣнію, описаніе суда надъ Евѣиміемъ хотя находится и въ пергаменной рукописи XV вѣка, но писано на бумагѣ и почеркомъ XVII вѣка и подклеено къ переплету книги безъ всякой связи съ пергаменнымъ уставомъ, и посему, конечно, не можетъ спорить древностью съ Никоновскою лѣтописью, а по содержанию своему рѣшительно противорѣчитъ ходу

¹⁾ Карамзинъ, V, прим. 232.

самаго дѣла, и, слѣдовательно, опираться на него невозможно» ¹⁾. Но В. О. Ключевскій сообщаетъ объ этой припискѣ совершенно иное, а именно онъ пишетъ: «Сохранился списокъ церковнаго устава съ витіеватою припискою, изъ которой видно, что онъ писанъ въ 1438 году при Тверскомъ епископѣ Іліи, рукою дьяка Андрея, для Успенской церкви (въ Желтиковомъ монастырѣ); рядомъ съ этой припискою помѣщена любопытная записка о приѣздѣ въ Тверь митрополита Кипріана и нѣсколькихъ епископовъ въ 1390 году съ описаніемъ суда надъ тогдашнимъ Тверскимъ епископомъ Евѣиміемъ и возведенія Арсенія на его мѣсто» ²⁾. Предполагая, что Ключевскій въ данномъ случаѣ говоритъ о той же рукописи, обстоятельную выписку изъ которой сдѣлалъ еще Карамзинъ, мы должны притти къ заключенію, что въ этой записи мы имѣемъ дѣло съ Тверской редакціей пересказа о судѣ надъ владыкой Евѣиміемъ.

Старинная редакція житія св. Арсенія, епископа Тверского, два раза упоминаетъ о дѣлѣ владыки Евѣимія. Въ первомъ мѣстѣ этого житія говорится: «Въ лѣта же благочестиваго великаго князя Михаила Александровича Тверского.... діаволь научаетъ... града того епископа Евѣиміана всяку въ себѣ ересь носяща, и тѣмъ воздвизаетъ во градѣ Твери мятежь и бурю на церковь и всяку ересь, иже не приемлетъ божественная апостольская церкви, поучаетъ же многихъ во градѣ похотемъ ходити. Великій князь о сихъ вещехъ въ недоумѣніи бысть и совѣтъ благъ совѣще-

¹⁾ Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Росс. 1861 г. III кн. стр. 30.

²⁾ В. Ключевскій, Древнерусскія Житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 183. Ключевскій говоритъ здѣсь о рукописи синодальной бібліотеки подъ № 331-мъ. См. А. Савва, Указатель для обозрѣнія Московской ризницы и бібліотеки, стр. 262.

васть»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ этого житія говорится: «Благовѣрный великій князь и преосвященный митрополитъ Кипреянъ со всеосвященнымъ соборомъ и богоносными отцы совокуписта соборъ и взысканіе веліе учиниста еже о епискупѣ Евѳиміанѣ со единомысленники его бываемыхъ ересей и тако обличиша его о всѣхъ мудрствіихъ, яже не приѣмлетъ соборная апостольская церковь. Евѳимей же, яко стрѣлу поостривъ языкъ свой противу всему собору, якоже древній Арій, Оригенъ и Сегвиръ и прочіе еретицы... и не обрѣтесе правда во устѣхъ его, якоже рече пророкъ: мужъ языченъ не исправится на земли и на верхъ его неправды его снидетъ. И тако препренъ бысть и низложенъ отъ всего священнаго собора божественными писани и святыхъ отецъ преданіи, изверженъ бываетъ съ великаго архіерейскаго престола и отлученъ отъ соборныя и апостольскія церкви, яко недостойнъ быти»²⁾.

Принявъ въ соображеніе всѣ приведенныя нами выдержки, нельзя не обратить вниманія на то, что три источника, говорящіе о дѣлѣ Евѳимія, а именно: Тверская лѣтопись, приписка къ уставу и житіе преподобнаго Арсенія, несомнѣнно, Тверского извода и написаны въ Твери, полной воспоминаній о Михаилѣ Александровичѣ и свято чтущей память святителя Арсенія. Неудивительно поэтому, что всѣ эти источники, за исключеніемъ, пожалуй, Тверской лѣтописи, обвиняютъ епископа Евѳимія и относятся сочувственно къ его осужденію, а житіе св. Арсенія говоритъ даже о какихъ-то ересяхъ Евѳимія³⁾. Совершенно иную окраску даетъ всему этому дѣлу Никоновская лѣтопись. Ни-

¹⁾ Рукопись Тверск. музея № 27 (3092) листъ 9 и оборотъ.

²⁾ Ibid. л. 12 и об.

³⁾ В. С. Борзаковскій приводит при этомъ выдержку изъ житія Арсенія, въ которой говорится, «что Евѳимій обвиненъ въ томъ, что вмѣшивался въ дѣла княжескія, лжемудрствовалъ о Христвъ, яко Арій, о Богородицѣ, яко Несторій, и не соглашался признать надъ собою никакого другого суда, кромѣ Вселенскаго собора»

коновская летопись рассказываетъ: «Того-же лѣта (6899—1390) позванъ бысть Киприанъ митрополитъ всея Русии во Тверь великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ; и поиде съ велика дни ко Твери, а съ нимъ два митрополита гречина Матвей андреевнопольскій и Ни-

(Борзаковскій, прим. 813). Къ сожалѣнію, В. С. Борзаковскій принялъ въ данномъ случаѣ за старое житіе св. Арсенія житіе его, составленное и изданное Макаріемъ Петровичемъ, ректоромъ Тв. Семинаріи. Макарій Петровичъ очень свободно пользовался старыми памятниками, и его пересказы имѣютъ поэтому очень малую цѣнность, если только имѣютъ таковую (см. жур. Твер. А. Комм.). Къ замѣтванію изъ этого же источника нужно отнести и вопросъ, будто бы предложенный Евфимію на соборѣ: «зачѣмъ онъ воздвигаетъ мятежъ на тѣхъ, кого почитать повелѣваетъ Самъ Богъ, и зачѣмъ вмѣшивается въ мірскія дѣла»? (Чередѣевъ. Біографіи Тв. іерарховъ, стр. 36 ср. Житіе иже во святыхъ Отца нашего Арсенія, епископа Тферскаго чудотворца... изъ древнихъ рукописныхъ книгъ и другихъ надписаній, обрѣтающихся въ Желтиковѣ монастырѣ 1764 года. Печатано въ Москвѣ 1765 г.). Въ этомъ житіи, составленномъ Макаріемъ Петровичемъ, читаемъ: «На другій день, абіе благовѣрный князь и преосвященный митрополитъ, со всѣмъ освященнымъ клиромъ и Богоносными отцы, составиша соборъ, и взысканіе веліе учиниша о мудрованіяхъ Евфиміевыхъ и единомысленниковъ его. Тогда вышереченный Евфимій епископъ, яко стрѣлу изъостри языкъ свой, и отверзъ уста своя, аки изъ нѣкія бездны смрадныя изблевахше ереси, но святіи отцы ему запретиша, и повелѣша, яко да по единому отвѣщаетъ противъ всякаго вопроса. Вопросыша убо его, чесо ради крамолы творить въ народѣ, и мятежъ воздвизаетъ на тѣхъ, ихже почитати самъ повелѣваетъ Богъ? Не подобаетъ бо епископу въ мірская дѣла мѣшатися, но, якоже великій глаголетъ Павелъ, въ немже кто призванъ, въ томъ да пребываетъ. Не и Христосъ-ли отрицашеся мірская дѣла судити, глаголя: Человѣче, кто мя постави судію или дѣлителя надъ вами? На сіе Евфимій не возможе отвѣцати ничесоже: и совѣстію люто угрызаемъ, умолче. Потомъ вторій предложиша вопросъ о ересѣхъ его, откуда оныя прія, и какими доводы утверждаетъ тыя? Блядословяше бо о Христвъ, яко же Арій, о Пречистѣй же Богородицѣ, яко же Несторій, и иная нѣкая Оригенова и Севирова держаше мудрованія. Противъ вопроса сего многая окаянный изрече: бяше бо зѣло гнѣвливъ и высокоумешъ, ниже кого-либо предпочиташе себѣ, самую же вещь преисполненъ безумія бѣ, и такія соплетъ ереси, яже едина другую разрушаше. Того ради избличенъ бысть во всемъ отъ святыхъ отецъ: обаче дерзну еще вопреки глаголати, яко неправедно собрашася нанъ: ибо епископа судити не можетъ никто, кромѣ Вселенскаго собора. Но Богоносни отцы явѣ показаша ему изъ священнаго писанія и святыхъ отецъ преданій, яко такоя судити можетъ и помѣстный соборъ, а яже до его мудрованій, та вся вселенскія соборы разрушиша, и анаѣемъ предаша. Прочее не требѣсть ради отсѣченія единаго гнилаго уда всю подвизати вселенную. И тако низверженъ бысть окаянный оный еретикъ, и анаѣемоу пораженъ: Мужъ бо языченъ, глаголетъ пророкъ, не исправится на земли, и мужа неправедна злая уловятъ».

кандръ Ганский, Махайло, владыко Смоленскій, Стефанъ, владыко Пермский, и сръте Кипреяна митрополита всеа Руси внукъ великаго князя, князь Иванъ за двадесять версть отъ града Твери съ бояры..... На утрѣи же паки самъ сръте князь великій Кипреяна митрополита 8 детми своими и 3 братаничи своими и съ бояры на перемере и оттуду пойдоста ко граду и усретоша ихъ со кресты предъ враты Володимерскими у церкви св. мученика Георгія. И сотвори тогда князь великий м-ту Кипреяну честь велию, и дары дая, и по три дни учреждение велие и торжество много сотвори и дары дая. А на четвертый день *собрашася архимандриты и игумены и пресвитеры, диякони и весь священнический и иноческїи чинъ къ великому князю; онъ же созва бояре свои и совокупи обои во едино мѣсто, и священныи и мирскїи соборъ, и посла х Кипреяну митрополиту всеа Русии; они же начаша жаловатися на своего владыку Вислена Тверскаго о мятежи и раздорѣ церковнѣмъ. Кипреянъ-же митрополитъ..... съ епискупы, со всѣмъ священнымъ соборомъ и 3 гостьми съ митрополиты Греческими сяде на судище, и нача судити по божественнымъ и священнымъ правиломъ св. апостоль и св. отецъ, и быша клеветы многи на Евѡимїя владыку Тверскаго, и вси восташа нанъ, клевещуще архимариты и игумены священницы и иноцы, и бояре і вельможи и простїи.*

Кипреянъ-же митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ по правиломъ св. апостоль и св. отецъ, и повелѣ епискупу Евѡимїю *пребыти просто кромѣ священныхъ, дондежь еще истязавъ размыслитъ.* Князь-же великий же нача просити инаго, Кипреянъ же митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ отставиша отъ епискупства Евѡимїя владыку Висленя, и даде великому князю Михаилу Александровичю протодіакона своего Арсения мужа дивна и нарочита и добродѣтельна суца.

Много же смиряше і въ любовь вводяще великаго князя со владыкою его Евѣиміемъ, и не бысть мира і любви, но наипаче вражда и брань велия воздвизашеся; таже потомъ и ныи многи клеветы сотвориша на Евѣимія владыку Висленя тяжки зело и неудобъ носимы; и бысть вражда и брань люта зело, и о семъ много смутись Кипреянъ митрополитъ, и не возможе вражды утолити, и мира и любви сотворити.

Того же лѣта Кипреянъ митрополитъ.... возвратися въ Москву, вземъ съ собою изо Твери Евѣимія владыку Висленя, и повелѣ ему в своемъ монастырѣ митрополиче жити, у святаго чюда внутри града Москвы. С нимъ же прииде на Москву и протодияконъ его Арсеній, бояся владычества пріяти въ Твери, виде бо тамо брань и вражду многу, и смутися, и ужасесь. Того-жъ лѣта князь великій Михайло Александровичъ посла съ челобитьемъ боярь своихъ х Кипреяну митрополиту на Москву, зовя его къ себѣ во Тверь. Кипреянъ же поиде во Тверь, а съ нимъ два митрополита, гости греческия Матвей, да Никандръ, да Михайло епискупъ Смоленскій, и Данило епискупъ Звенигородцкій и Стефанъ владыко Пермскій; прииде же тогда и Еремеи владыко Рязанскій; і возрадовася князь великій о пришествіи митрополиче, и едва умолиша протодиякона Арсения митрополича быти епискупомъ во Твери, бояше бо ся вражды и многихъ браней: и тако едва поставиша его во Тверь епискупомъ мѣсяца августа въ 15 день ¹⁾.

Болѣе спокойное освѣщеніе дѣла даетъ и Татищевъ, у котораго читаемъ: «Того-жъ лѣта (1391) быша во Твери отъ епископа Евѣимія многія тягости и раздоры; но князь Михайлъ Александровичъ... позва къ себѣ митрополита Кипріана въ Тверь разсудити жалобы многихъ людей» ²⁾.

¹⁾ Никонов. лѣтопись СПб. 1788 г., IV, стр. 195—199.

²⁾ Татищевъ IV, 359.

Извѣстіямъ какого же извода должны мы отдать предпочтеніе по данному вопросу? Тверскимъ-ли извѣстіямъ, какъ болѣе освѣдомленнымъ, или постороннимъ свидѣтельствамъ, какъ болѣе безпристрастнымъ? Рѣшить этотъ вопросъ, понятно, можно только послѣ тщательнаго и подробнаго разбора и точнаго сличенія всѣхъ имѣющихся у насъ свидѣтельствъ.

Кромѣ Тверской лѣтописи, которая не высказываетъ ни порицанія, ни одобренія князю и епископу, и ничего не говоритъ объ обвиненіяхъ противъ Евѳимія, оба другіе источника Тверского извода говорятъ «о мятежѣ церковнѣмъ», «объ истяганіи епископа Евѳимія во многихъ судѣхъ», «о мятежѣ и бурѣ на церковь». «О многихъ тягостяхъ, раздорахъ и жалобахъ» говоритъ и Татищевъ. Никоновская лѣтопись всѣ жалобы на епископа Евѳимія называетъ клеветами, а житіе св. Арсенія добавляетъ извѣстіе «о ересяхъ и мудрствіихъ» Тверского владыки.

Вотъ и все, что даютъ намъ дошедшіе до насъ памятники объ этомъ дѣлѣ. Мятежъ церковный, неправильные суды, вызвавшіе бурю на церковь—таковы обвинительные пункты противъ епископа Евѳимія. Одиночно стоящее извѣстіе житія св. Арсенія о многихъ ересяхъ Евѳимія не внушаетъ къ себѣ довѣрія, и его слѣдуетъ отнести къ числу общихъ мѣстъ (*loci topici*), просившихся въ то время на языкъ при рѣчи о человѣкѣ, осужденномъ церковною властью. Трудно допустить и мысль о томъ, чтобы епископъ, безусловно управлявшій епархіею въ теченіе цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ, могъ въ теченіе такого продолжительнаго періода времени укрыть свои еретическія убѣжденія. Свидѣтельство Никоновской лѣтописи о томъ, что всѣ обвиненія противъ Евѳимія были клеветами, нужно отнести къ области личныхъ мнѣній лѣтописца. Можно догадываться, что и въ самой Твери не всѣ были согласны

съ осужденіемъ Евѳимія; выраженія: «мятежь церковный, буря на церковь» даютъ возможность предположить, что осужденіе епископа Евѳимія вызвало въ Твери «вражду и брань великую зѣло». Черезчуръ большая осторожность Тверского лѣтописца, не рѣшившагося ни однимъ словомъ выразить свое сужденіе объ этомъ дѣлѣ, тоже довольно выразительна въ этомъ смыслѣ.

Изъ всѣхъ авторовъ, доселѣ писавшихъ объ этомъ любопытномъ эпизодѣ изъ времени княженія Михаила Александровича, по нашему мнѣнію, самое вѣрное и самое основательное сужденіе высказываетъ И. Бѣляевъ. Онъ пишетъ: «Изъ словъ «раздоръ и мятежь церковный» можно догадываться, что Евѳимій былъ виноватъ, можетъ быть, въ упорствѣ и неуступчивости характера, вслѣдствіе чего власть церковная стала въ борьбу съ властью государственною, съ княземъ. Обвиненія же, приносимыя на епископа отъ бояръ, народа и даже духовенства, нисколько не могутъ служить опорой... въ признаніи епископа Евѳимія виновнымъ; ибо епископъ, по тогдашнему положенію дѣлъ (при недостаточно ясномъ разграниченіи дѣлъ между властью гражданскою и духовною), могъ возбудить противъ себя всеобщую ненависть—и не нарушая собственно церковныхъ правилъ; такъ бояре и народъ могли ненавидѣть его за распространеніе церковнаго суда и на такіа дѣла, которыя принадлежали въ данное время гражданскому суду, но по разнымъ церковнымъ уставамъ и по прежнимъ примѣрамъ могли принадлежать и церковному суду; равнымъ образомъ духовенство могло питать ненависть къ епископу или за распространеніе сборныхъ даней и десятинъ и на тѣ церкви, которыя прежде почему-либо освобождались отъ платежа, или за увеличеніе и слишкомъ строгое взысканіе старыхъ даней» ¹⁾).

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Р. 1861, III, стр. 26 и 29.

Смущеніе и нерѣшительность митрополита Кипріяна, желаніе его примирить князя съ епископомъ, распри и брань, поднявшіяся въ городѣ Твери послѣ осужденія епископа Евѣимія, все это говоритъ за то, что именно на указываемой Бѣляевымъ почвѣ и разыгралось все это дѣло. Въ дополненіе къ этому необходимо принять къ свѣдѣнію и то, что епископъ Евѣимій былъ ставленникомъ митрополита Алексѣя ¹⁾ и въ 1375 году былъ посредникомъ между Дмитріемъ Ивановичемъ и Тверскимъ княземъ при заключеніи мира. Какъ ставленникъ митрополита Алексѣя, онъ, весьма вѣроятно, не раздѣлялъ взглядовъ Михаила Александровича на многіе вопросы церковной и гражданской жизни и привыкъ держать себя самостоятельно. Ставшій особенно чуткимъ ко всякому вторженію духовной власти въ дѣла гражданскія частью вслѣдствіе историческихъ примѣровъ изъ жизни Тверского княжества, а частью и вслѣдствіе своего личнаго опыта, Михаилъ Александровичъ не могъ остаться равнодушнымъ къ малѣйшей даже попыткѣ со стороны епископа къ расширенію своей власти.

Что касается способа веденія Михаиломъ Александровичемъ всего этого дѣла, нельзя не замѣтить, что весь этотъ процессъ онъ велъ въ высшей степени осторожно и законно. Устранивъ епископа своего властью отъ управленія, Михаилъ Александровичъ выжидалъ цѣлыхъ четыре года, ничего не предпринимая и давая епископу возможность внимательно обдумать свое положеніе. Когда же и черезъ четыре года епископъ остался при своихъ возрѣніяхъ, Михаилъ Александровичъ предоставляет рѣшеніе участи епископа вполнѣ законному и правильному церковному собору. Тутъ уже онъ не идетъ ни на какое

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 27.

примиреніе, справедливо считая всякіе компромиссы послѣ всего совершившагося ненадежными и потому нежела- тельными.

Г л а в а VI.

Послѣдніе годы княженія Михаила Александровича. Отношеніе его къ Литвѣ. Дого- воръ его съ Василиемъ Дмитриевичемъ. Смерть его. Заключение.

Бурное княженіе Михаила Александровича закончи- лось годами мира, тишины и спокойствія. Искусный по- литикъ, онъ расчетливыми браками своихъ сыновей су- мѣлъ заручиться многочисленными союзниками. Своего старшаго сына Ивана онъ въ 1375 г. женилъ на сестрѣ Витовта Микловсѣ, названной при крещеніи Маріей ¹⁾. Въ 1385 году онъ женилъ двухъ слѣдующихъ своихъ сыно- вей: Бориса на дочери Святослава Смоленскаго, а Василя на дочери Владиміра Ольгердовича Кіевскаго ²⁾. Въ 1391 г. онъ женилъ младшаго своего сына Θεодора на дочери Мо- сковскаго боярина Θεодора Андреевича Кошки ³⁾. Этотъ бояринъ былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ въ Москвѣ и пользовался расположеніемъ въ ордѣ ⁴⁾. Этимъ искусно рассчитаннымъ бракомъ Михаилъ Александровичъ привлекъ на свою сторону московскую боярскую партію, имѣвшую въ то время преобладающее вліяніе на государственныя дѣла.

Заручившись искусно рассчитанными союзами, гроз- ный своимъ врагамъ, сумѣвшій еще раньше показать, что онъ сможетъ рассчитаться за обиду даже и съ болѣе силь-

¹⁾ На ту же осень (1375 г.) женился князь Иванъ Михайловичъ, приведе за него Кѣстутьеву дочь Микловсу; и крести е владыка Евфимій (въ) Воздвиженіе, и нарече е (и) имя Марія (Тверск. лѣт., стр. 435).

²⁾ Въ лѣто 6893 князь великій Михайло жени сына своего князя Бориса у Святослава Смоленскаго, а князя Василя у князя Володимера Кіевскаго, и вѣн- чаша и въ Тѣфри, въ святомъ Спасѣ, *ibid*, стр. 443.

³⁾ Никон. лѣт. IV, 202.

⁴⁾ Онъ былъ однимъ изъ свидѣтелей при завѣщаніи Дмитрія Іоанновича. Бѣ- ляевъ, стр. 34.

нымъ противникомъ, Михаилъ Александровичъ могъ наконецъ насладиться желаннымъ спокойствіемъ. Приобрѣтенная съ годами мудрость въ управленіи, доказанная на дѣлѣ неукротимая энергія достаточно обеспечивали это спокойствіе на продолжительное время. Предусмотрительный князь и при этомъ стремился обречь свое княжество отъ всякихъ случайностей,—въ 1387 году онъ поправилъ тверскія укрѣпленія около Волги ¹⁾, въ 1391 «въ Твери доспѣша ворота у святаго Василя» ²⁾, а въ 1395 году въ Твери вмѣсто обветшавшей стѣны была сдѣлана новая изъ деревянныхъ брусевъ ³⁾.

Обезопасивъ себя отъ внѣшнихъ враговъ, Михаилъ Александровичъ имѣлъ теперь полную возможность заняться внутреннимъ управленіемъ своего княжества. Повѣсть о житіи Михаила Александровича свидѣтельствуетъ, что онъ собиралъ людей въ свое княжество отовсюду. Въ то тяжелое для народа время, князь, сумѣвшій обезопасить свое княжество отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, привлекалъ въ него множество свободно въ то время передвигавшагося народа. Измученный постоянными распрями между удѣльными князьями, разоренный опустошительными набѣгами со стороны татаръ и литвы, народъ русскій часто искалъ въ то время только тишины и спокойствія. Все время своего княженія пользовавшійся расположеніемъ татарской орды, находясь въ союзѣ съ Литвой и западно-русскими княжествами, а послѣдніе годы своего правленія жившій въ мирѣ и съ Москвой, Михаилъ Александровичъ доставлялъ русскому народу ту тишину и спокойствіе, къ которымъ онъ такъ жадно стремился. Доброта князя и его выдающаяся справедливость и пра-

¹⁾ Никонов. лѣт. IV, 154.

²⁾ Тв. лѣт., стр. 415.

³⁾ Ibid, IV, 199.

восудіе, при не менѣе выдающихся способностяхъ къ управленію, обезпечивали увеличившемуся населенію Тверской области внутренній порядокъ и спокойствіе. Та же повѣсть говоритъ, что въ его княженіе исчезли въ Тверской области разбойники, воры, ябедники, корчемники, мытари, истребились торговыя злыя тамги, нигдѣ не было насилуванія и грабленія ¹⁾. Хотя, несомнѣнно, повѣсть эта, написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ смерти Михаила Александровича, содержитъ въ себѣ немало обычныхъ въ такихъ случаяхъ идиллическихъ преувеличеній, но и другіе источники говорятъ, что Михаилъ Александровичъ «паче всего любляше судъ правъ, не на лица судити, боляромъ не потакаше, но паче сиротамъ во всемъ помогаше, милостыню присно безпрестани творяше» ²⁾. Не потакая сильнымъ міра сего въ случаѣ притѣсненія ими простого народа, онъ тѣмъ не менѣе умѣлъ и съ ними жить въ ладу и согласіи и, собравъ около себя «дружины благоумны» ³⁾, является однимъ изъ выдающихся князей-дружинниковъ. Объясняя, за что дружинники Тверского князя особенно любили его, лѣтописецъ княженія Тверского пишетъ о Михаилѣ Александровичѣ: «И сладокъ же бѣаше дружинѣ своей, яко не любляше злата, ни ризъ многоцѣнныхъ, но вся елико имѣаше, и симъ подавъ.... дружинѣ своей. Сего ради друголюбець прозвашеся.... и не имѣаше одинаго или дву любити паче инехъ всѣхъ, но къ всѣмъ разсудинѣ достойную честь подаваше и сладкую любовь простираше. Сего ради зѣлно мнози служаху ему, и сынове сильныхъ прилагахуса ему, и дворъ его день отъ дне множайше крѣпляшеся» ⁴⁾. Таковы именно идеальныя черты всѣхъ излюбленныхъ князей-дружинниковъ.

¹⁾ Повѣсть о житіи Михаила Александровича Никон. лѣт. IV, 287.

²⁾ Полное собраніе рус. лѣт. IV, 360.

³⁾ Ibid, XV, стр. 467.

⁴⁾ Твер. лѣт., стр. 469.

Хотя на время его княженія и падаетъ очень рѣдкій въ то время случай раздора удѣльнаго князя съ мѣстнымъ епископомъ, но о его большомъ уваженіи и привязанности къ духовенству говорятъ всѣ дошедшіе до насъ письменные источники. Михаилъ Александровичъ, по словамъ повѣсти о преставленіи его, былъ «зѣло боголюбивъ, и любя церковный чинъ и пѣніе церковное, честь подаваше Божіимъ служителемъ священникомъ» ¹⁾; «зело же любляше иноческій чинъ, и сихъ съ любовью устрѣтаа, благословеніе и молитву отъ нихъ приѣмше» ²⁾. Онъ умѣлъ, слѣдовательно, соединить благочестіе и искреннее уваженіе къ служителямъ церкви съ разумною охраною своихъ княжескихъ правъ и государственныхъ интересовъ.

На склонѣ дней своихъ Михаилъ Александровичъ жилъ окруженный общимъ почетомъ, въ сердечномъ согласіи съ представителями церковной власти, въ дружбѣ и согласіи съ другими князьями Руси. Московскій князь Василій Дмитріевичъ около 1398 году заключилъ особый договоръ съ нимъ, изъ котораго мы можемъ съ ясностью видѣть, насколько улучшилось положеніе Михаила Александровича въ это время сравнительно съ 1375 годомъ. По договору съ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ въ этомъ году, Михаилъ Александровичъ долженъ былъ признать себя младшимъ братомъ Московскаго князя, равнымъ съ Серпуховскимъ княземъ; теперь Тверской князь признается равнымъ съ Московскимъ, братомъ его. Если на московскихъ князей нападутъ татары, литва, нѣмцы или поляки, и самъ Василій съ братьями сядетъ на коня, то Михаилъ обязанъ послать къ нимъ на помощь двоихъ сыновей, да двоихъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же татары, литва или нѣмцы нападутъ на Тверское кня-

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 360.

²⁾ Ibid, XV, 467.

жество, то Московскій князь обязанъ самъ итти на помощь Михаилу съ своею братьею. Къ ордѣ Тверскому князю путь чистъ, равно его дѣтямъ, внучатамъ и людямъ. Боярамъ и слугамъ обоихъ князей—вольная воля, т. е. они свободно могутъ переходить со службы у одного князя къ другому. Если кто-нибудь изъ удѣльныхъ князей московскихъ отъѣдетъ къ Тверскому князю, то послѣдній не можетъ вступаться въ ихъ вотчины: онѣ остаются за Московскимъ княземъ. Оба князя обязываются другъ безъ друга не брать любви съ Витовтомъ, причемъ это условіе распространяется на дѣтей и внуковъ Тверского князя и братьевъ и дѣтей Московскаго. Въ концѣ грамоты Московскій князь даже поручаетъ Михаилу Александровичу печаловаться о княгиняхъ и дѣтяхъ московскихъ князей, если онъ самъ или кто-либо другой изъ Московскаго княжескаго семейства умретъ, не устроивъ своихъ дѣтей и княгини, или если ихъ кто-либо задумаетъ обидѣть. Съ своей стороны, Михаилъ Александровичъ обязывается за себя, дѣтей своихъ, внуковъ и племянниковъ не искать ни Москвы, ни великаго княженія Владимірскаго, ни Новгорода, сложить крестное цѣлованіе Витовту и объявить ему, что онъ одинъ человекъ съ великимъ княземъ Московскимъ ¹⁾. Хотя въ этомъ договорѣ и есть очень серьезныя ограниченія Тверского князя (не искать великаго княженія, Новгорода и др.), но несомнѣнно, что весь договоръ составленъ въ духѣ уваженія къ Михаилу Александровичу. С. М. Соловьевъ вполне правильно отмѣчаетъ при этомъ, что освобожденіе Тверского князя отъ похода «объясняется старостію Михаила относительно Василія»; никакого другого объясненія этого факта не можетъ и быть. А. В. Экземплярскій, приводя въ своемъ

¹⁾ Акты Арх. Эксп. т. I, № 14 ср. Соловьевъ т. I, стр. 1024 и 1025, Борзавовскій, стр. 170.

обширномъ сочиненіи это замѣчаніе Соловьева, пишетъ: «Если нѣкоторые объясняютъ это обстоятельство почтенною старостью Тверского князя, то нужно, въ такомъ случаѣ, замѣтить и то, что Москва не видѣла уже въ Твери серьезной соперницы» ¹⁾. Это замѣчаніе Экземплярскаго нельзя не признать результатомъ сплошного недоразумѣнія. Князь Тверской освобождается отъ личнаго участія въ походѣ на помощь Москвѣ, въ то время какъ Московскій не освобождается. Причемъ тутъ соперничество? Самое утвержденіе, что Москва не видѣла въ это время въ Твери серьезной соперницы, весьма сомнительно. Въ эту эпоху, если можно говорить о какомъ-нибудь серьезномъ соперникѣ Москвы, то только о Михаилѣ Александровичѣ, нѣсколько разъ ставившемъ Москву въ очень серьезное, можно сказать даже, опасное положеніе. Говорить такъ можно, только не вдумавшись внимательно во все содержаніе договора и упуская изъ виду дѣлаемую Бѣляевымъ параллель между этимъ договоромъ Михаила Александровича съ Москвой и такимъ же договоромъ Рязанскаго князя Ѳедора Ольговича. Этотъ договоръ былъ заключенъ въ 1402 году, т. е. почти въ одно время съ договоромъ Тверского князя. И. Бѣляевъ, сравнивая эти два договора, пишетъ: «Въ Рязанской грамотѣ прямо сказано: «На семъ, брате младшій, князь великій Ѳедоръ Ольговичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату старіишему, князю великому Василью Дмитріевичу, къ моей братье младшей»; въ Тверской же написано: «На семъ на всемъ, брате, князь великій Михайло Александровичъ, цѣлуй къ намъ крестъ къ своей братье и ко мнѣ, великому князю, Василью Дмитріевичу, и къ моей брати къ младшей». Здѣсь, въ первой грамотѣ, Ѳедоръ Ольговичъ прямо называется младшимъ братомъ, а Московскій князь

¹⁾ Экземплярскій т. II, стр. 497.

старѣйшимъ братомъ; слѣдовательно, первый въ отноше-
ніи ко второму ставится нѣкоторымъ образомъ въ подчи-
неніе; во второй же грамотѣ Тверскій князь и Москов-
скій названы просто братьями, безъ придаточныхъ «молод-
шій» или «старѣйшій», слѣдовательно ясно, что по настоя-
щему договору они оба признаются равными безъ всякихъ
преимуществъ одного передъ другимъ. Далѣе въ первой
грамотѣ сказано: «имѣти ти (Федору Ольговичу) меня собѣ
братомъ старѣйшимъ, а мою братью молодшую имѣти собѣ
братьею, а меньшую нашу братью имѣти ти собѣ братьею
младшею». Во второй же грамотѣ о такихъ отноше-
ніяхъ, какъ несогласныхъ съ главнымъ условіемъ договора
о равенствѣ двухъ великихъ князей и, слѣдовательно, не-
нужныхъ, вовсе не упоминается. А посему изъ сравненія
сихъ двухъ грамотъ мы ясно видимъ, что какъ Рязанскій
великій князь былъ приравненъ къ удѣльнымъ Москов-
скимъ князьямъ, младшимъ въ отношеніи къ великому
князю: «А мою братью молодшую имѣти ти собѣ братьею»;
такъ Тверской великій князь былъ приравненъ великому
князю Московскому: «брате, цѣлуй къ намъ крестъ, къ
своей братьѣ». Потомъ въ первой грамотѣ Московскій
князь обязываетъ Рязанскаго предъявлять о своихъ сно-
шеніяхъ съ ордою: «а коли имѣшь килічя слати въ орду,
что ти, намъ явити; а отдалится отъ насъ орда, тобѣ съ
нами учинити по думѣ»; во второй же грамотѣ нѣтъ и
намёковъ о подобномъ обязательствѣ, тамъ ясно сказано:
«а къ ордѣ ти, брате, и къ царю путь чистъ, и твоимъ
дѣтемъ и твоимъ внучатомъ и вашимъ людемъ»; слѣдо-
вательно, по договору въ сношенія Твери съ ордою Москва
не смѣла и вмѣшиваться. Наконецъ въ отношеніи къ Литвѣ
въ первой грамотѣ помѣщено: «А всхоchetъ съ тобою тестъ
князь великій Витовтъ любви, ино тобѣ съ нимъ взяти
любовь со мною по думѣ, какъ будетъ годно»; во второй

же сказано: «а будетъ намъ, брате, взять любовь съ Витовтомъ или Литвою, и намъ, брате, безъ тебе любви не взять, ни безъ твоихъ дѣтей, ни внучатъ». Здѣсь, въ первой грамотѣ, Московскій князь обязываетъ Рязанскаго не иначе вступать въ союзъ съ Литвою, какъ по дозволенію Московскаго князя: «со мною по думѣ, какъ будетъ годно». Во второй же самъ Московскій князь обязывается Тверскому безъ него не вступать въ союзъ съ Витовтомъ, требуя съ своей стороны только, чтобы и Тверской князь безъ него не вступалъ въ подобный же союзъ: «а вамъ, брате, безъ насъ любви съ нимъ не взять»¹⁾. Съ этими заключеніями И. Бѣляева нельзя не согласиться, такъ какъ они основаны на детальномъ сличеніи двухъ договоровъ Московскаго князя съ удѣльными князьями.

Съ неменьшимъ уваженіемъ относился въ это время къ Михаилу Александровичу и Литовскій князь Витовтъ. Въ 1398 году Михаилъ Александровичъ отпустилъ въ Литву своего старшаго сына Ивана Михайловича, женатаго на сестрѣ Витовта. Никоновская лѣтопись такъ описываетъ пріемъ его въ Литвѣ: «Того же (1398) лѣта князь Иванъ Михайловичъ поѣхалъ въ Литву къ шурина своему къ Витовту Кейстутіевичу, къ великому князю Литовскому и съ своею княгинею Марьею, отпущенъ отцемъ своимъ..... выѣха въ землю Литовскую, і въ коемждо градѣ приемля отъ всѣхъ честь велію; таже бывшу ему близъ Вилни и срѣте его далече самъ князь великій Витовтъ.... и съ своею княгинею и съ своими паны и князи и бояры и со множествомъ людей съ великою любовію и честію, и пребысть у него много дни, и тако отпусти его съ великою любовію и честію, и прииде ко отцу своему во Тверь, къ великому князю Михаилу Александровичу, по-

¹⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1861 г. кн. III, стр. 36 и 37.

вѣдая ему любовь и дары и честь Витовтовы»¹⁾. Съ такою честью былъ принятъ въ Литвѣ сынъ Михаила Александровича. Нельзя не признать, что особая торжественность этого пріема была данью уваженія къ замѣчательнѣйшему князю Тверскому. Въ 1399 году на 67 году отъ рожденія Михаилъ Александровичъ сталъ быстро приближаться къ могилѣ. Передъ смертью онъ раздѣлилъ между сыновьями своими города своего княжества. Старшему своему сыну Ивану Михайловичу онъ отказалъ «Тферь, Новый городокъ, Ржевъ, Зубцевъ, Радилловъ, Вѣбрынъ Опоки, Вертязинъ», Василию Михайловичу и Борису Михайловичу съ его сыномъ Иваномъ — «Кашинъ и Кослятинъ», младшему своему сыну Ѳедору Михайловичу онъ отказалъ «два городка Микулина съ волостями»²⁾. Ясно сознавая весь вредъ излишняго дробленія Руси онъ сосредоточиваетъ большую часть своего княжества въ рукахъ своего старшаго сына, очевидно, съ тою цѣлю, чтобы удѣльные князья Тверскіе не имѣли возможности выходить изъ воли великаго князя Тверской области и заводить междоусобія.

О смерти Михаила Александровича повѣсть о преставленіи его говоритъ слѣдующее: «Отъиде отъ житія сего къ Богу августа 26, въ вторникъ на ночь, въ куроглашеніе; а во гробъ положенъ бысть въ среду, того же мѣсяца — 27, въ своей отчинѣ, въ градѣ Тфери, въ сборной церкви въ святѣмъ Спасѣ; и много плачь бѣ всему граду въ тѣ день»³⁾.

Въ исторіи, какъ и въ жизни, бываютъ неудачники, носители идей, уже отжившихъ, не могущихъ имѣть приложения къ жизни въ данное время, своего рода мученики. Часто люди попадаютъ въ такого рода положеніе не

¹⁾ Никонов. лѣт. IV, стр. 69 и 70.

²⁾ П. С. Р. Д. IV, 360.

³⁾ Ibid.

вслѣдствіе недостатка здраваго смысла и полнаго непониманія условій жизни въ то или другое время, а ставятся въ такое положеніе неминуемою силою прошлыхъ традицій и родовыхъ преданій. Въ то время какъ предъ людьми, предки которыхъ умѣли уловить жизненные вѣянія и работали надъ выполненіемъ поставленныхъ самою жизнью задачъ, жизненная дорога развертывается, какъ скатерть, жизненный путь такихъ неудачниковъ усѣянъ на каждомъ шагу терніями, и они то и дѣло наталкиваются на неодолимыя препятствія. Сойти съ даннаго пути, перемѣнить его направленіе часто мѣшаетъ при этомъ направленіе дѣятельности предковъ, семейныя традиціи, родовая честь. Чѣмъ талантливѣе, чѣмъ болѣе богатыми способностями одаренъ человекъ, поставленный въ такія условія, тѣмъ упорнѣе и интенсивнѣе бываетъ эта борьба противъ надвигающихся жизненныхъ условій. Исходъ подобнаго рода борьбы, естественно, всегда одинъ и тотъ же—пораженіе отдельной личности и гибель отжившихъ жизненныхъ условій, съ какими-бы усиліями ихъ ни отстаивали. Къ числу такихъ «рыцарей печальнаго образа», еще и доселѣ странствующихъ по бѣлу свѣту, тратя свои силы и способности на открытую защиту обреченныхъ на гибель, нельзя не отнести и самаго талантливаго изъ Тверскихъ князей, Михаила Александровича, жизнь котораго мы только что обозрѣли. Въ самомъ дѣлѣ, во имя чего боролся всю свою жизнь этотъ высокоталантливый князь Тверской? Обращая вниманіе на конечную цѣль его дѣятельности, нельзя не признать, что онъ стремился къ возстановленію прежнихъ удѣльно-вѣчевыхъ порядковъ. Онъ стремился снова водворить эти порядки въ то время, когда послѣдняя пѣсня этихъ порядковъ была уже давно спѣта, и когда почти весь русскій народъ направлялъ свои усилія къ полному объединенію Руси въ одно цѣлое. Весьма вѣроятно,

что онъ и самъ сознавалъ всю важность объединенія Руси, но какъ удѣльный князь, потомокъ цѣлаго рода князей, отстаивавшихъ прежніе порядки, онъ не могъ поднять руки на дѣло своихъ предковъ и свое собственное. Всѣ свои богатая душевныя силы и способности, всю жизнь свою отдалъ онъ этому неблагодарному дѣлу, а передъ самою своею смертью далъ за себя и своихъ потомковъ обѣтъ не искать великаго княженія на Руси и такимъ образомъ самъ подписалъ смертный приговоръ надъ дѣломъ всей своей жизни. Не прошло и ста лѣтъ со дня его смерти, какъ Тверское княжество, самостоятельность котораго онъ такъ горячо отстаивалъ, было присоединено къ Москвѣ. Сколько силъ и энергіи потратилъ онъ на эту совершенно безплодную для себя и для своего отечества борьбу! Бросьте внимательный взглядъ на прошлое человечества и современную жизнь, и цѣлой вереницей потянутся передъ вашими глазами подобнаго рода «рыцари печальнаго образа», не сумѣвшіе или не могшіе поставить цѣлю своей дѣятельности прогресса человечества и отдельнаго народа. Иногда среди этихъ рыцарей печальнаго образа попадаются люди истинно благородные, высоко-честные и талантливые. Въ такомъ случаѣ не одного только смѣха заслуживаютъ они; часто нельзя бываетъ отъ всей души не пожалѣть этихъ людей, такъ напрасно растрачивающихъ свои богатая силы и способности. И при сужденіи о прошломъ никогда не нужно забывать прекраснаго древняго изреченія: «*homo sum et nihil humanum a me alienum puto*». Ошибки и заблужденія подобнаго рода дѣятелей часто не менѣе способствуютъ уясненію истины, чѣмъ и дѣятельность лицъ, поставленныхъ въ болѣе счастливыя условія.